

АРНЕ
ДАЛЬ

БЕЗЛЮДНЫЕ
ЗЕМЛИ

«БЕЗЛЮДНЫЕ ЗЕМЛИ» — КАК ПОДАРОК ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ,
УПАКОВАННЫЙ ВО МНОЖЕСТВО КОРОБОЧЕК И ОБЕРТОК.

Г. ЮЗЕФОВИЧ

Арне Даль

Безлюдные земли

Серия «Детектив Сэм Бергер», книга 1

Серия «Триллер по-скандинавски»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43708181

А. Даль. Безлюдные земли: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-104291-2

Аннотация

Инспектор уголовной полиции Сэм Бергер и его подчиненные врываются в заброшенный дом, где, по их предположению, маньяк держит похищенную пятнадцатилетнюю девочку. В доме никого нет, однако они находят затхлый подвал со следами крови и отметками ногтей на бетонном полу. Вопреки мнению начальства, инспектор уверен, что на счету преступника множество жертв, поэтому он параллельно проводит собственное расследование, порой нарушая закон. У Бергера есть свой тайный интерес в этом деле: каждый раз на месте преступления маньяк оставляет послание, понять которое может только он.

Содержание

I	5
1	5
2	7
3	20
4	40
5	58
6	73
7	90
8	107
9	117
II	119
10	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Арне Даль

Безлюдные земли

Arne Dahl

Utmarker

© Arne Dahl, 2016

© Петруничева В., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

I

1

Осиновые листья трепещут. Он слышит их шелест даже на бегу, хотя несетя сломя голову сквозь высокую, по грудь, луговую траву так, как никогда раньше не бегал.

Луг становится шире, и шум усиливается. Он замедляет бег. Шум вдруг начинает звучать так назойливо, как будто кто-то пытается пробиться сквозь деревья из другого времени. Он спотыкается, шум снова стихает. Удержав равновесие, он замечает, что копна золотистых волос почти исчезла из виду где-то впереди, среди высокой травы. Ему приходится приложить все силы, чтобы не упасть.

Такие летние дни, как сегодня, выдаются нечасто. В ясном голубом небе плывут легкие, как перышки, облака, каждая травинка отливает собственным оттенком зеленого.

Они пробежали от автобусной остановки довольно большое расстояние, сначала вдоль пустеющей дороги, потом через луг, а теперь вдалеке угадывается блеск воды.

Чтобы различить лодочный домик, нельзя бежать так быстро, это он понимает, но он знает, где тот находится, скрытый на берегу среди деревьев, зелено-коричневый, уродливый и совершенно фантастический.

Белокурая голова впереди замедляет движение. Пока она оборачивается, он успевает понять, что будет поражен. Он никогда не переставал поражаться, и ему никогда это не удастся. И как только он видит очертания угловатого лица, он снова слышит этот звук.

Поблизости нет никаких осин. И все же он вдруг различает именно осиновый шелест, который превращается в шепот, а тот превращается в песню.

Кто-то где-то хочет от него чего-то.

И они стоят лицом к лицу.

Он по-прежнему задыхается.

Воскресенье 25 октября, 10:14

Листья осин дрожали, и несмотря на хмурое, дождливое и словно средневековое небо, шелест трепещущих листьев казался слишком громким. Бергер помотал головой, отгоняя все лишние ощущения, и оторвал взгляд от макушек деревьев. От трухлявой, словно губчатой стены, к которой он прислонился, исходил сырой холод.

Бергер бросил взгляд на развалины домов, едва заметных сквозь усиливающийся ливень. Около каждого сидели на корточках двое его коллег с оружием в руках и в бронежилетах, с которых стекала вода. Все взгляды были направлены на Бергера. Ждали знака. Он обернулся и увидел широко раскрытые, как у олененка, глаза. По лицу Ди текла вода, как будто ее голова превратилась в один плачущий глаз.

Шесть полицейских среди руин под проливным дождем.

Бергер заглянул за угол дома. Маленький домик не было видно. Он заметил его, когда они крались по тропе и рассредоточивались по участку, но теперь тот пропал. Дождь поглотил все.

Бергер сделал глубокий вдох, уступая неизбежному.

Кивок в сторону ближайших развалин, двое мужчин двинулись, припав к земле, сквозь пелену дождя. Кивок в дру-

гую сторону, еще двое мужчин исчезли, как будто в отвратительном супе-пюре. Теперь и сам Бергер двинулся с места, слыша за спиной дыхание, почти переходящее во всхлипы.

Дома по-прежнему не было видно.

Один за другим появлялись из дождевой завесы коллеги, четыре согнувшихся силуэта, которые, хотя он видел только их спины, выглядели крайне сосредоточенными.

Доска за доской дом начал проступать сквозь дымку. Темно-красный с белыми углами, черные рулонные шторы, ни единого признака жизни. И непрекращающийся дождь.

Уже близко. Близко ко всему. Может быть, даже к концу.

Бергер знал, что не должен так думать. Настоящий момент – вот самое главное. Здесь и сейчас. Никакого другого места, никакого другого времени.

Они собрались возле лестницы, ведущей на террасу, краска на ней пожелтела и местами облупилась. Из водосточной трубы им под ноги лились потоки воды. Все было насквозь мокрым.

Все взгляды снова обратились на него. Он пересчитал людей. Четверо и дыхание Ди за спиной. Бергер жестом приказал ей пройти вперед. Посмотрев в пять пар глаз, он кивнул. Двое свернули к лестнице, у того, что пониже, светло-зеленые глаза блестели от адреналина, тот, что повыше, держал в руках штурмовой таран для взлома двери.

Бергер остановил их и шепотом напомнил:

– Помните о ловушках.

Дождь вдруг стал их союзником. Стук капель по крыше заглушал шаги. Когда к двери поднесли таран, все одновременно сняли оружие с предохранителей. Только когда дверь была взломана, сквозь шум дождя донесся новый звук – глухой треск ломающегося дерева.

Перед ними разверзлась темнота.

Зеленоглазый скользнул в нее, подняв оружие. Прошла пара секунд. Казалось, что намного дольше.

Сквозь шум дождя Бергер слышал собственное дыхание, на удивление ровное. Время остановилось.

Сквозь грохот непогоды до них донесся какой-то звук. Сначала показалось, что его издал не человек. Потом стало слышно, что он вызван не столько болью, сколько потрясением. Это был пронзительный вопль от страха перед смертью.

Зеленоглазый полицейский появился из темноты.

Его лицо было белым как мел. Служебный пистолет упал на пол террасы. Только когда полицейский начал заваливаться на бок, издаваемый им звук превратился в крик. Он по-прежнему казался нечеловеческим. Пока двое оттаскивали коллегу в сторону, кровь, смешиваясь с водой, заливала пол террасы. Из плеч раненого торчали два ножевых лезвия.

Бергер услышал собственный стон и боль в нем, боль, которая, тем не менее, не должна была продлиться и помешать делу. Он бросил беглый взгляд в темноту и спрятался обратно за дверной косяк. Обернулся назад. Ди сидела на корточках под окном, держа наготове оружие и подняв фонарик, в

карих глазах – внимание и сосредоточенность.

– Ловушка, – прошептала она.

– Опять опоздали, – громко сказал он и шагнул внутрь.

Механизм был закреплен на стене в прихожей. Из него вылетали какие-то ножи. На определенной высоте, в определенном направлении. Ди посветила влево, где была полуоткрыта дверь. Вероятно, гостиная.

В крике, доносящемся с террасы, теперь звучал не только ужас и страх смерти, теперь его причиной была боль. Парадоксальным образом в этом ощущалась какая-то надежда. То был крик человека, которому кажется, что теперь он, несмотря ни на что, выживет.

Бергер достал фонарик, но прежде чем включить его, указал им на ведущую вверх лестницу справа двум следовавшим за ним полицейским. Он помахал фонариком, чтобы скрыть дрожание руки.

Коллеги начали подниматься, пятна света взметнулись по потолку над лестницей, и снова стало темно. Бергер посмотрел на Ди и кивнул. Они вместе повернулись к полуоткрытой двери слева. За щелью царила крошечная тьма.

Достав зеркала, осмотрели с их помощью помещение за дверью. Никаких признаков ловушек. Первым в темноту шагнул Бергер, Ди следом за ним, они прикрывали друг друга. Слабый свет выхватил голые стены и скудную обстановку, стерильную небольшую спальню, такую же чисто отдраенную кухню. Нигде не ощущалось никакого запаха.

Кухня лишила их последней надежды. Все слишком тщательно отмыто.

И совершенно пусто.

Они вернулись в холл, и одновременно двое полицейских спустились по лестнице. Первый молча покачал головой.

В холле стало светлей. Раненый больше не кричал, а только тихо постанывал. На полу лежали два длинных, узких ножевых лезвия без ручек. Дождь смыл кровь с них и со всей террасы.

Чистота.

Бергер оторвал взгляд от земли. В отдалении к калитке большой, запущенной усадьбы подъехала машина «скорой помощи», там уже стояли два полицейских автобуса с мигающими синими маячками и два автомобиля разных телекомпаний. Около ограждения начали собираться любопытные. И дождь уже только слегка накрапывал.

Взгляд Бергера упал на лестницу террасы – она была, как ни крути, почти метра два высотой, – и он шагнул обратно в холл.

– Здесь есть подвал.

– Это точно? – спросила Ди. – Нет ведущей туда двери.

– Да, – подтвердил Бергер. – Надо искать люк. Надевай перчатки.

Они натянули на руки резиновые перчатки, разошлись в разные стороны, подняли рулонные шторы. В комнату через сито бегущих по стеклу струек проник свет. Бергер сдвинул

кровать, оттащил в сторону комод. Ничего. До него доносились звуки из других комнат, и наконец он услышал приглушенный голос Ди из кухни:

– Иди сюда.

Она показала на деревянный пол. Рядом с холодильником Бергер заметил квадрат чуть светлее остальных досок. По размеру он совпадал с дном холодильника.

Помогая друг другу, они попытались передвинуть холодильник обратно на светлый квадрат. Остальные коллеги, теперь уже трое, присоединились к ним. Совместными усилиями они вернули холодильник на место.

Между ним и плитой был замечен люк, но без ручки.

Бергер взгляделся в него. Когда его откроют, все изменится. Начнется настоящее погружение во тьму.

Им пришлось вчетвером при помощи оказавшейся под рукой кухонной утвари вытаскивать дверцу. Наконец она поддалась. Бергер остановил коллег, когда удалось приоткрыть ее сантиметров на десять. Он посветил вдоль краев досок, Ди опустила под крышку зеркало, поворачивая его в такт движениям фонаря. Никаких ловушек. Тогда они откинули крышку люка. Стук. Из отверстия поднялось облако пыли. И тишина.

Главным образом тишина.

Бергер снова включил фонарик, ища лестницу. Двинулся вниз, держа наготове оружие и фонарь. Ступенька за ступенькой, он погружался в темноту. Свет фонарика не столь-

ко открывал, сколько прятал то, что находилось внутри. Ку-сочки мира, который состоял из тесноты подвальных стен и низких дверей, полуоткрытых в новую темноту, другую, но все-таки ту же самую.

Поражал запах. Это было не то, чего боялся Бергер. И он долго не мог понять, чем там пахло.

Подвал был больше, чем предполагали. И в нем множество дверей, ведущих во всех мыслимых направлениях. Бетонные стены, очевидно более новые, чем сам дом.

В спертom воздухе ни для чего не оставалось места. Никаких окон, ни намекa на свет, кроме без устали мечущихся пяти пятен от фонарей.

Запах усилился. Отвратительная смесь. Испражнения. Моча. Возможно, кровь. Но не запах смерти.

Не запах смерти.

Бергер внимательно посмотрел на коллег. Они рассредоточились по крошечным помещениям, и вид у них был весьма изнуренный. Сам Бергер находился в левом внутреннем помещении. Осветив его фонариком, он ничего, абсолютно ничего не обнаружил. Попытался представить себе план дома, чертеж.

– Пусто, – сказала Ди. Ее бледное лицо мелькнуло за одной из дверей. – Но должен же откуда-то доноситься этот запах?

– Подвал несимметричен, – ответил Бергер и положил руку на стену. – Есть еще одна комната. Где?

Он осветил их лица. Они нахмурились в задумчивости, от света фонарика морщины казались глубже. Бергер двинулся к выходу, остальные последовали за ним.

– Осмотрите дом, – распорядился он у двери. – Ищите вдоль левой стены. Отличия в цвете, отличия в поверхности, что угодно.

Бергер вернулся во внутреннее левое помещение. Однородный цвет бетона, ни один участок не отличается от остальных. Бергер ударил кулаком по стене – короткий сильный апперкот. Перчатка лопнула, стена оцарапала кожу на костяшках.

– Кажется, нашли, – донесся откуда-то голос Ди.

Бергер потряс кистью и пошел на зов. Ди сидела на корточках в правом углу правой комнаты, один из полицейских освещал фонариком стену.

– Здесь точно заметна разница, видишь? – сказала Ди.

Бергер рассмотрел стену. Такой же цвет, как везде, возможно, лишь чуть-чуть отличающийся в углу на квадратном участке с полметра в ширину в самом низу стены. Шаги на лестнице. Появился коллега с тараном. Бергер остановил его. Убедился, что фонарь хорошо освещает угол. Достал мобильный телефон и сделал снимок. Потом кивнул.

Было трудно как следует замахнуться: слишком тесно, слишком низко. Однако, несмотря на то, что расстояние не позволяло развернуться в полную силу, черный цилиндр пробил стену насквозь. Бергер ощупал ее. Всего лишь гипс.

совая плита. Он кивнул, полицейский ударил тараном еще пару раз, и в стене появилось квадратное отверстие. Вокруг него был только плотный бетон. Без более серьезных инструментов дыру расширить не удастся.

Окно в бездну.

В зеркале, протянутом в отверстие, отражалась только темнота. Бергер увидел, что Ди понимает, что это будет ее работа. Ей проще всех пролезть внутрь. Она посмотрела на Бергера. Во взгляде читался страх.

– Только будь осторожна, – сказал он как можно мягче.

Ди вздрогнула. Потом опустилась на колени, пригнулась и проскользнула внутрь, неожиданно легко.

Время шло. Больше времени, чем должно было потребоваться.

Бергер содрогнулся от ужаса. От подозрения, что Ди исчезла, что он отправил ее в самый ад, не подстраховав.

Секунды текли необычайно медленно.

Вдруг из отверстия донесся стон, сдерживаемый всхлип.

Бергер посмотрел на полицейских. Они были бледны, один из всех сил пытался успокоить дрожащую левую руку.

Бергер опустился на колени, глубоко вдохнул, пополз внутрь.

Внутри в загадочном помещении он увидел Ди с прижатыми ко рту руками. Посмотрел в другой конец комнаты. На полу и в нижней части стены виднелись пятна, большие пятна. Здесь гораздо сильнее ощущался отвратительный запах.

Нет, не один запах. Несколько.

Пока Бергер изо всех сил протискивался через дыру в стене, чувственные впечатления начали упорядочиваться. Он выпрямился, поднял фонарь, подошел ближе.

Ди стояла у стены. Между двумя подгнившими деревянными опорами находилось то, что привлекало к себе все внимание, как сцена в театре. Рядом на цементном полу расплылось пятно возле перевернутого ведра. А между опорами на стене виднелось пятно еще большего размера и почти такого же цвета. Почти, но все же явно другого.

– Черт, черт, черт, – вырвалось у Ди.

Бергер всмотрелся в пятно, которое тянулось по стене до самого пола. Достаточно большое, чтобы узнать запах. Несмотря даже на разлитое по полу содержимое ведра, заменившего туалет.

Достаточно много крови, чтобы узнать запах.

С другой стороны, кровь уже совсем засохла. Они не просто опоздали. Они очень сильно опоздали.

Бергер рассмотрел стены, все стены. Как будто они ждали от него чего-то. Как будто они кричали.

Ди подошла к нему. Они обнялись, быстро, порывисто. Возможно, потом они будут этого стыдиться.

– Нам надо как можно меньше здесь наследить, – сказал Бергер. – Иди впереди.

Он увидел, как ее ноги исчезли в проеме. Сделал два шага следом. Остановился, огляделся. Вернулся к опорам, освещенным.

тил фонариком их низ. Нашел засечки на левой, приблизительно такие же на правой, на трех уровнях. Посмотрел вниз, на пол. За правой опорой что-то было втиснуто. Совсем маленькое. Бергер наклонился и вытащил этот предмет.

Это была шестеренка, крохотное зубчатое колесико. Бергер рассмотрел его, потом положил в почти такой же маленький пакет для вещественных доказательств. Застегнул и положил в карман. Затем достал мобильный телефон, сфотографировал опоры с разных сторон. Повернулся к засохшей крови. Сфотографировал и ее. Осветил фонариком верхнюю часть стены, где тоже было немного крови. Сделал еще несколько снимков, заодно и тех участков, где пятен не было.

Все это заняло так мало времени, что Бергера даже не успели хватиться. Он подошел к лазу, протянул руки и дал себя вытащить.

Все поднялись по лестнице, один за другим вышли на свет, который слепил после темноты. Оказавшись на террасе, увидели, что дождь прекратился. Бергер и Ди стояли совсем рядом. Дышалось свободно.

Снаружи нетерпеливо переминались с ноги на ногу криминалисты с оборудованием. Их грузный начальник Робин поднимался по лестнице. К счастью, другое начальство не приехало, в том числе и Аллан. Раненого коллеги у дома уже не было, как и машины «скорой помощи». Остались только полицейские машины с включенными синими мигалками, у ограждения теснились журналисты с камерами и микрофо-

нами, количество зрителей заметно прибавилось.

Пока эксперты-криминалисты шли к входу в адский дом, Бергер оглядел толпу. Именно в тот момент его пронзило странное и неуловимое ощущение. Он снял перчатку с левой руки, достал мобильный, сделал снимок, потом еще несколько, но ощущение уже исчезло.

Бергер посмотрел на свой старый «ролекс». Было непривычно чувствовать его на запястье, потому что каждое восхождение Бергер менял часы. Стрелки размеренно двигались вперед, и казалось, он наблюдал за тем, как миниатюрный механизм, такая, отмеряет каждую секунду тщетных усилий. Бергер повернулся к Ди. Сначала он подумал, что она смотрит на его часы, но потом понял, что ее взгляд направлен ниже, на его руки, правую по-прежнему покрывала перчатка, во всяком случае, частично.

– У тебя кровь идет, – сказала Ди.

– Нет, – ответил он и, поморщившись, стянул перчатку.

Ди улыбнулась и перевела взгляд на его лицо. Внимательный взгляд. Даже слишком внимательный.

– Ну что еще? – раздраженно спросил Бергер.

– «Опять»?

Он понял, что это цитата, но все же переспросил:

– Ты о чем?

– Когда мы собирались войти в дом, ты сказал, что мы опоздали. Опять.

– Правда?

– Эллиен у нас ведь первый случай?

Он улыбнулся. Почувствовал, что улыбнулся. Улыбка, пожалуй, выглядела неуместно в этом царстве смерти.

– Радует, что ты не сказала «была».

– Эллиен не умерла, – сказала Ди, не отводя взгляд.

– «Опять»? – повторил Бергер, вздохнув.

– Итак? – продолжала настаивать Ди.

– Я имел в виду в экзистенциальном смысле, – Бергер пожал плечами. – «Слишком поздно» – это же мой девиз.

Дождь прекратился.

Воскресенье 25 октября, 19:23

– Ловушка?

Комиссар уголовной полиции Аллан Гудмундссон явно решил разыграть недовольство. От этого представления Бергера подташнивало.

– Да, – невозмутимо ответил он, – этот дьявольский механизм, конечно, будет правильно назвать ловушкой.

– Но я спрашивал совсем не об этом, и ты это прекрасно знаешь.

– А о чем ты спрашивал?

– Почему, черт возьми, ты предупредил группу именно о ловушках?

– Как будто это помогло...

– Это к делу не относится. Так почему?

– Эта мразь ведь не оставила ни единого следа. Он умен, вот и все. Достаточно умен и опасен, чтобы устроить ловушку в проклятой дыре, откуда он уже сбежал.

– Этот адрес, черт побери, и был следом, – взревел Аллан. – Дом.

У Бергера вертелся на языке ответ, но он сдержался. Посмотрел в окно. Снова лил осенний дождь, вечерело. Большинство участников облавы уже покинуло здание Управле-

ния полиции. Ди осталась, и он мог различить ее освещенное монитором лицо через два поливаемых дождем окна, которые находились под прямым углом друг к другу. Их разделяла водная пелена.

– Вот что, Сэм, – неожиданно агрессивно повысил голос Аллан, – ты мне врешь.

Бергер вдруг осознал, что он мог бы сию секунду уснуть. Просто закрыл бы глаза и заснул под убаюкивающее рычание Аллана.

Но, пожалуй, лучше было этого не делать.

– Вру? – переспросил он, главным образом для того, чтобы скрыть невнимание.

– Я мог бы не обращать внимания, будь это просто недомолвки, – голос Аллана заметно смягчился, чувствовалось, что он готовит переход к крещендо. – Но раз ты лжешь своему начальнику прямо в лицо, это значит, что ты уже развиваешь свою теорию заговора на новом и опасном уровне.

– Ты слишком рано стал бюрократом, Аллан.

– Ты действуешь по своему усмотрению и, чтобы скрыть это, пытаешься врать начальству. Думаешь, тебе долго удастся этим заниматься?

– А что я должен был сделать? – спросил Бергер, пожимая плечами. – *Не* поехать по этому адресу? *Не* предупреждать группу о возможной ловушке?

– Меня больше интересует, что еще ты учинишь в будущем.

– Поймаю серийного убийцу?

Тщательно подготовленное Алланом крещендо вылилось в долгий выдох, который перешел во вздох, что свидетельствовало о впечатляющей силе легких, особенно если учесть немолодой возраст Аллана. Наверное, за всю жизнь он не выкурил ни одной сигареты.

Аллан продолжил преувеличенно медленно:

– Нет никакого убийцы, Сэм, в худшем случае мы имеем дело с похитителем. Каждый год в Швеции пропадает восемьсот человек, абсолютное большинство – совершенно добровольно. Это больше двух в день. Ты не можешь просто выхватить пару таких добровольно исчезнувших людей и заявить, что они убиты серийным убийцей, которого никто, кроме тебя, не видит. Ну *нет*, черт возьми, серийных убийц в этой стране. Только в головах коррумпированных прокуроров и сверхамбициозных полицейских. А сверхамбициозные полицейские – это даже хуже, чем коррумпированные прокуроры.

– Значит, нет убийцы? – с нажимом произнес Бергер.

– Нет жертв, Сэм.

– Ты не побывал в том подвале, Аллан. Уверяю тебя, жертвы есть.

– Я видел фотографии. И говорил с судмедэкспертом. Там несколько слоев свернувшейся крови, они попали на бетон в разное время. И кажется, что крови намного больше, чем есть на самом деле. А ее максимум три децилитра. От этого

не умирают.

Бергер сидел, уставившись на стену за спиной у Аллана. Она была абсолютно пустой. Он заговорил:

– Возможно, Эллен была жива, когда ее оттуда забрали. Возможно, она жива и сейчас. Но она умрет.

Кислород замерзает при минус двухстах восемнадцати градусах Цельсия. Поскольку азот и аргон, две другие составные части воздуха, имеют более высокую температуру кристаллизации, воздух замерзает одновременно с кислородом. Из этого следует, что, пусть в виде исключения, но в кабинете комиссара Аллана Гудмундссона в здании Управления полиции Стокгольма было минус двести восемнадцать градусов, потому что находящихся в нем двоих полицейских несомненно разделяла стена из замерзшего воздуха.

Наконец, Аллан сказал:

– Третья группа крови, резус отрицательный. Предпоследняя по распространенности в Швеции. Два процента населения. Одна из них – Эллен Савингер. Но мы нашли не только эту кровь.

Между собеседниками по-прежнему висела глыба замерзшего воздуха.

Бергер молчал.

– Там обнаружилось довольно много крови второй группы с положительным резусом, что озадачило экспертов, – продолжил Аллан. – Может быть, это твоя группа крови, Сэм? На стене снаружи той тюремной камеры и на полу внутри.

Еще и фрагмент кожи.

Взгляд Аллана скользнул вниз по правой руке Бергера. Кисть была скрыта краем стола. Аллан покачал головой и закончил:

– Мы ждем результатов анализа ДНК для обеих проб, но на самом деле они не нужны. Ни один из них.

– Ей пятнадцать лет, – сказал Бергер, пытаясь не повышать голоса. – Ей пятнадцать лет, и она просидела там три недели. В темной вонючей чертовой камере в подвале с ведром для дерьма, и никакой компании, кроме изредка появляющегося сумасшедшего. Она потеряла много крови. И действительно никому, за исключением меня, не мерещится дьявол? И этот дьявол, черт бы его побрал, нападал и раньше. Вероятно, не раз.

– Это не аргументы, Сэм. *Доказательства* – вот аргументы.

– Доказательства не валяются с неба, – ответил Бергер. – Доказательства собирают, не обращая внимания на косвенные улики, изучая недоказанные следы, полагаясь на интуицию, доверяя опыту. И наконец, из косвенных улик возникают доказательства. Аллан, мы что, должны просто сидеть и ждать доказательств? Ты так представляешь себе работу полицейских?

– Откуда у вас взялся план дома?

– Что?

– Ты знал, что в доме есть подвал. Откуда?

– Мы получили подсказку совершенно неожиданно, и ты это прекрасно знаешь. Я попросил тебя раздобыть для нас несколько полицейских. Эллен не должна была провести там ни одной лишней минуты.

– А представь, если бы она действительно сидела там, – сказал Аллан. – Имея план здания, вы могли бы сразу ворваться в подвал. И тогда бы вы ее спасли. Если бы она и преступник находились там сегодня, то вы бы скорее убили ее. С вашей-то медлительностью и отсутствием знаний. С вашим проклятым дилетантизмом.

Бергер в задумчивости смотрел на Аллана. Ему впервые пришла в голову мысль, что тот по-своему прав. Это его задело. Аллан определенно прав – в описанных им условиях. Тогда штурм был бы дилетантским.

– Он заманил нас, – пробормотал Бергер после недолгого молчания.

– Что ты несешь? – вздохнул Аллан.

– Взгляни на это дело с сегодняшних позиций. Внезапно появляется новый свидетель, спустя три недели. Дом, принадлежащий никому не известному холостяку, расположенный у леса на окраине Мерсты, – и там свидетель мельком увидел какую-то девушку. Тем из нас, кто дежурил в воскресенье, пришлось действовать очень быстро. Многие службы недоступны, потому что выходной. Например, муниципалитет Мерсты, несмотря на мои настойчивые напоминания, не достал никаких чертежей здания. Первое, что встречает нас

при входе, – это механизм, да-да, ловушка, которая куда менее опасна, чем ты думал. Не так ли, Аллан?

– Ножевые лезвия в плечах. Я-то об этом думал.

– Два нюанса. Первый: ловушка предназначалась для полицейских, а именно для полицейских в бронежилетах, и метили в места, жилетом не защищенные. Второй: однако не на уровне головы. Не было цели убивать. Только поиздеваться. Крутые полицейские должны валяться и извиваться в смертельном страхе. И все очень точно рассчитано. Наш парень – перфекционист.

– Полагаю, ты не поинтересовался, что с Экманом.

– С Экманом? – воскликнул Бергер.

– С коллегой, который был ранен ножами.

– И что с ним?

– Не знаю. Продолжай.

– Ловушка – это такой бантик на чертовой посылке. Которая уложена в несколько коробок и завернута в несколько слоев бумаги. Коробка внутри коробки. Развязали бант – следом первый слой, тайный люк в кухонном полу. Потом этот проклятый подвал-лабиринт. Там еще один слой, который мы должны снять, – надо пробиться сквозь стену. И только после того как мы развязали ленточку и открыли две коробки, он впустил нас к себе в святую святых.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – кивнул Аллан. – Но это ты задним умом крепок. А тогда ты этого не знал. И тебе следовало бы иметь план дома, чтобы штурмовать его

максимально эффективно.

– Я предполагал, что это будет посылка.

– Само собой. Полицейский-сверхчеловек Сэм Бергер. В таком случае к чему вся эта безумная спешка?

– Из-за микроскопического шанса, что сигнал был настоящим. Тогда мы могли бы спасти Эллен и схватить похитителя.

Комиссар Аллан Гудмундссон встал с кресла и подытожил:

– Последовательное мышление – не твоя сильная сторона, Сэм. Но на этот раз я закрою на это глаза. И я не могу повлиять на то, что ты думаешь и предполагаешь. Однако я могу дать тебе четкие директивы касательно направления, в котором надо вести расследование. И направление это заключается в том, что Эллен Савингер похитили около школы в Эстермальме в Стокгольме чуть больше двух недель назад. Это все. И ты, и вся твоя группа ничего кроме этого не выяснили. Не нашли ни единой приличной зацепки.

– И это явно намекает на то, что он делал это и раньше, Аллан.

– Нет даже косвенных улик, Сэм. Только безумные предположения, которые я строго запретил тебе излагать твоей группе. И с сегодняшнего дня этот запрет будет еще категоричнее. Благодаря этому так называемому штурму. Если же ты предпочтешь проигнорировать мои распоряжения и запреты, я тебя уволю.

– Я намерен исходить из того, что ты шутишь.

– Я сейчас похож на шутника?

Их взгляды встретились. Ни один не отвел глаз. Клинч. Если Аллан шутил, ему очень хорошо удалось это скрыть. Наконец, он отвел взгляд, глубоко вздохнул и покачал головой:

– И каким будет следующий шаг?

– Я как можно скорее изучу это дело с Ди, нам надо вернуться к началу.

– Что за странное прозвище, Сэм?

– Ее зовут Дезире Росенквист, ты ж пойми, полицейского не могут звать Дезире Росенквист, – пояснил Бергер. – Так что Ди – это просто сокращение.

– Ну да, так, конечно, намного лучше, – сказал Аллан, провожая Бергера из кабинета.

Бергер вышел из задумчивости и обнаружил, что идет по темному коридору и улыбается. Он свернул у колонны, которая служила границей офисной зоны. Из всех рабочих столов был занят, разумеется, только стол Ди. Она оторвала взгляд от экрана и посмотрела на Бергера.

– Получил нагоняй?

– Еще какой, – подтвердил он. – Например, мне следует прекратить называть тебя Ди.

– Он мог бы спросить меня.

– Таким образом он, разумеется, проявил заботу о тебе.

Смех. Точнее, короткий смешок.

– Послушай это, – сказала Ди после небольшой паузы.

Она кликнула что-то на компьютере, и из него донесся довольно взволнованный женский голос: «В общем, я действительно уверена, что только что видела, ну, вы знаете, ее, ее, ту девушку, через окно. Хотя я все же не совсем уверена, что это была она, но на ней была эта, ну, не знаю, розовая лента на шее с тем греческим, неправильным таким, крестом, не знаю, может, это православный, но она же прям настоящая блондинка, у нее не может быть греческих корней».

Ди остановила запись и спросила:

– Какую роль здесь играет слово «розовая»?

Бергер пожал плечами и ответил:

– Решающую. Именно из-за него мы и поехали туда.

– Да, – задумчиво протянула Ди. – Крест был не греческий, а русский, но православный, и его она могла видеть в газетах. Но про цвет ленты она узнать не могла, этой информации мы не сообщали. Но меня главным образом волнует... как бы это сказать, расстояние. Как близко должен стоять человек, чтобы разглядеть, что шнурок на шее розовый?

– Она нигде не стояла, – сказал Бергер. – Потому что нет никакой «ее».

Ди внимательно посмотрела на него и через пару секунд снова включила прослушивание: «Ах да, адрес, да. Ну, это последний дом у опушки леса, у заброшенного участка, не помню название улицы, но там живет этот дурацкий чудак, его никогда не видно, а если кто его заметит, он сразу скры-

вается. Он запросто мог бы...»

Ди остановила запись и сказала:

– Потом она, разумеется, вспомнила, как называется улица, и дала нам точный адрес. Эксперты говорят, что подвал пуст минимум два дня, вероятно, даже больше. Эта свидетельница, позвонившая вчера, никак не могла только что видеть через окно Эллен. Свидетельница утверждает, что живет поблизости, и по соседству действительно нашлась некая Лина Викстрём, живущая по адресу, который дала звонившая. Нам не удалось связаться с Линой Викстрём, потому что она путешествует по Юго-Восточной Азии. В поисках себя и без мобильного телефона. Зато много йоги.

– Вот оно что. Не знал.

– То, что она назвалась Линой Викстрём, которую невозможно разыскать, указывает на хорошее знание соседей.

– И не только.

– Вопросов в связи с этим возникает, естественно, несколько. Есть ли у преступника сообщница? Или голос свидетельницы – это голос похитителя, обработанный программой? Или наш похититель – женщина?

– От специалистов по звуку ничего?

– Пока ничего. Но если на записи обработанный на компьютере голос, то сейчас существуют способы восстановить оригинал.

– К сожалению, особых надежд я не питаю, – сказал Бергер. – Если и удастся восстановить оригинальный голос, он

тоже окажется фальшивкой. Тем или иным образом. Он оставляет следы, только если хочет оставить следы. Если это выполняет задачу.

– То есть никакие женщины в этом не участвуют?

– Таково мое предположение. Он действует в одиночку.

– И это не первое его похищение? Ты ведь *опять опоздал*?

Бергер прикусил язык. Он повернул настольную лампу Ди вверх, чтобы осветить висящую рядом маркерную доску. Там было зафиксировано все дело. Которое было не таким уж объемным. За три недели – ни одной приличной зацепки, в этом Аллан, во всяком случае, прав. Зато уйма тупиков.

И все из-за того, что люди отказываются думать ретроспективно.

Бергер скользнул лучом света по хаосу из стикеров, фотографий, счетов, документов, рисунков и стрелок. Все вручную, по старинке, ни намека на электронику. Наконец, он остановил «прожектор» на двух карандашных рисунках, закрепленных магнитами. Оставил лампу, подошел к доске и снял рисунки. Бергер положил их на клавиатуру Ди, и они оба принялись рассматривать два схематичных мужских лица. Ди указала на правый субъективный портрет и сказала:

– Вот этот у нас есть с самого первого дня. Мужчина в автофургоне, замеченный около школы в Эстермальме незадолго до окончания учебного дня у Эллен Савингер. Два независимых свидетеля сошлись во мнении относительно этой реконструкции. А это новое изображение, сделанное

соседом в Мерсте, единственным, кто до настоящего момента хоть раз видел «чудака с лесной опушки».

– И какие выводы ты делаешь? – поинтересовался Бергер.

– Если это один и тот же человек, у него нет никаких отличительных черт лица. Перед нами просто стандартное изображение белого мужчины сорока с чем-то лет. С другой стороны, оно, по крайней мере, дает нам возраст и этническую принадлежность. Тут, надо сказать, ничего неожиданного.

– Что еще?

– Больше ничего, – сказала Ди, покачав головой.

– Он похож на новичка?

– Но об этом же ничего сказать невозможно.

– Если это тот человек, то он уже проделывал это раньше, и я знаю, что ты это тоже видишь, Ди. Это написано у него на лице.

– Ты и впрямь громоздишь непоколебимые улики, какие так любит Аллан. А теперь расскажи, чем ты занимался, пока проводил совершенно другое расследование.

И снова этот взгляд олененка.

Бергер прекрасно знал, что это отнюдь не признак слабости, а одно из самых больших достоинств Ди.

– Аллан безоговорочно это запретил, – сказал Бергер. – Ничего такого, что не имело бы отношения к нашему расследованию.

– С каких пор тебя волнуют запреты Аллана?

– Он пригрозил мне увольнением.

Они обменялись быстрыми взглядами, Ди состроила гримасу, Бергер повернул лампу вниз, направив свет на новый рисунок.

– Эрик Юханссон? – сказал он и закрепил портрет на доске. – Самое распространенное в Швеции имя?

– Именно это имя внесено в договор о найме дома в Мерсте, да, – подтвердила Ди. – Риелтор никогда не встречался со съемщиком. Владеют домом шведы, живущие в Аргентине.

– Риелтор... Как он объяснил, что никогда не видел нанимателя?

– Переписка по электронной почте. Посредник утверждает, что стер историю сообщений. Вполне может быть правдой, ведь преступник снимал дом более двух лет, а старые письма имеют привычку теряться. Хотя я предполагаю, что риелтор сознательно уничтожил потенциальные доказательства. Дело в том, что Самир сравнил исходное объявление с выплатами. Разница в три тысячи. Похоже, наш преступник накинул три тысячи, чтобы не показывать лица. Риелторская фирма без малейших угрызений совести удерживала разницу, прежде чем перечислить деньги в Аргентину.

– Удалось проверить адрес электронной почты?

– Самир копал как мог, – ответила Ди. – И, вероятно, добрался до самого дна.

Бергер прикрепил второй портрет «Эрика Юханссона» и сказал:

– Поставь еще раз запись.

Ди включила медиаплеер. Они внимательно слушали энергичный голос «Лины Викстрём». Когда запись закончилась, Бергер сказал:

– Я думаю, интереснее всего здесь драматизация.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду.

– Если это говорит сам Эрик Юханссон, – а я уверен, что у него нет сообщников, – простого звонка отлично бы хватило. Ему не надо было *играть* так сильно.

– О чем это говорит?

– Не знаю, – ответил Бергер и стукнул по рисунку. – Уж точно ни о чем хорошем.

– Комплекс «звезды», склонность к истерике?

– В лучшем случае да. В худшем он постоянно играет роли, разные роли, и делает это хорошо. Он настолько убедителен в роли многословной соседки из низов, что это не может быть его первым «выступлением».

– Ты смешиваешь две совершенно разные социальные группы, – рассмеялась Ди. – Она же занимается йогой, шатаясь по Юго-Восточной Азии. Ну конечно, низы общества только и делают, что мотаются на Восток упражняться в йоге.

– М-да, – хмыкнул Бергер. – Лина Викстрём живет в трехэтажной дизайнерской вилле и после развода с мужем-главврачом взяла длительный отпуск, оставив свой высокий пост в какой-нибудь фармкомпании.

– О как.

– Ага, – подтвердил Бергер. – Тут речь не о правдоподоби. Преступник создал свою собственную Лину Викстрём, ему плевать на то, кто она на самом деле. Он Бог. Он решает, кем ей быть. Это не имеет отношения к действительности. Он ее переделывает так, как ему удобно.

– И как это меняет наше представление о том, что сейчас с Эллен Савингер?

– Теперь понятно, что он не собирается никак себя ограничивать.

– Не слишком похоже на наших обычных грязных педофилов...

Бергер замер и уставился на Ди.

– Я не думаю, что он педофил, – сказал он.

Ди слушала, наблюдая за ним. Острый взгляд карих глаз в полутьме.

– Ладно, – сказала она наконец. – Именно в этот момент твое тайное расследование отклонилось от нашего.

Бергер встретил ее взгляд.

– Я не веду никакого тайного расследования.

– Ты же не веришь в наше расследование, – воскликнула Ди. – Мы же все время исходили из того, что негодяй, который сидит и караулит около школы, чтобы похитить ребенка, является чертовым педофилом.

– Пока эта предпосылка не уводила нас в сторону, это не играло роли. Но я больше не уверен, что это так.

– И что изменилось?

– Он чертовски прециозный тип.

Ди всегда была сдержанной и преданной, именно за это он ее и ценил. Однако взгляд, который она устремила на непогоду за окном, не выражал ни сдержанности, ни преданности.

– Я простой полицейский, – обратилась она к богам дождя. – У меня нет никакого образования, кроме Высшей школы полиции. Мои социал-демократически и социально-оптимистично настроенные родители наложили на меня проклятие, подарив мне аристократическое имя Дезире Розенквист. Тем не менее, я первой из своей родни получила высшее образование, и мне пришлось немало пахать, чтобы стать инспектором уголовной полиции. Не мог бы ты, полицейский-сверхчеловек Сэм Бергер, объяснить мне, что значит «прециозный»?

Бергер смотрел на ее исчерченное струями воды отражение.

– А ты, в свою очередь, поддерживаешь тайные контакты с Алланом?

– Ты о чем?

Бергер резко сменил тему.

– Он утонченный, жеманный, неестественный, аффектированный. Он заворачивает свой подарок полиции в красивую упаковку. Он жаждет похвал, хочет, чтобы мы им восхищались. Я готов согласиться с тем, что такое поведе-

ние возможно и в среде педофилов, но в этом случае речь идет о герметично закрытых кругах. Человек выходит за новые, все более дьявольские границы и хочет продемонстрировать это перед себе подобными, вызвать одобрение, похвалы, восхищение. Но я никогда не слышал о педофиле, который бы стремился похвастать своими злодеяниями перед общественностью, и уж точно не перед полицией. За пределами замкнутого круга господствует стыд.

Ди медленно повернулась к нему. Ее лицо больше не было разрисовано водными полосками.

– И еще насчет пятнадцати, – сказала она. – Эллен на момент исчезновения было пятнадцать лет и один месяц. В таком случае речь не может идти о сексуальном насилии в отношении ребенка, то есть о педофилии, если только он ей не родственник. А уж родню Савингеров мы прошерстили как следует. С этим-то мы справились.

– Мы ведь можем считать это альтернативной гипотезой? Что могут быть и другие мотивы, кроме двух само собой разумеющихся: выкуп и педофилия.

– Возможно, – согласилась Ди.

Пока Бергер собирал свои пожитки со своего стоящего рядом письменного стола, у Ди зазвонил телефон. Она мало что сказала, и весь разговор занял двадцать секунд.

– Эксперты закончили работать в доме, – подытожила она. – Никаких отпечатков пальцев, никаких образцов ДНК кроме двух пятен крови. По словам Робина, отвратительно

чисто.

– Отдраено начисто, – кивнул Бергер и продолжил: – А тебе не пора быть дома с семьей?

– Йонни и Люкке в кино с бабушкой. Я свободна от домашних обязанностей. По пиву?

– Звучит очень заманчиво, – ответил Бергер. – Но я скорее думал о паре заданий.

– Разумеется, для меня, – Ди мягко улыбнулась. – Пока полицейский-сверхчеловек Сэм Бергер отправится на еще одно подозрительное свидание через сайт знакомств.

Бергер фыркнул. Он и сам не знал, было ли это смешком.

– Это было один раз, – сказал он. – Один-единственный. Первый неуверенный шаг. И да, это было подозрительно.

– Чего там, говоришь, хотела от тебя мадам Икс?

– Ты просто хочешь заставить меня произнести это вслух.

– Как ни странно, с каждым разом это становится все забавнее.

Бергер поборол улыбку и покачал головой. Он закрыл рюкзак с толстыми папками и повернулся к Ди. На лице не было и тени улыбки.

– Ты первой зашла в подвальную камеру. Сколько крови, по-твоему, там было?

Улыбка Ди погасла.

– Очень много, – ответила она. – Я сказала там, в доме, что верю, что Эллен жива. Но может быть, я просто пыталась утешить тебя, утешить нас обоих.

– А если интуитивно, навскидку?

– Не знаю. Два литра?

– По предварительному заключению судмедэкспертов, не более трех децилитров. Твое первое задание – домашнее. С какой целью можно было накачать Эллен Савингер разжигающими кровь препаратами?

Ди кивнула, нахмурила брови.

– А мое второе задание?

– Его ты можешь выполнить прямо сейчас, на компьютере. В какой больнице лежит Экман?

– Экман?

– Заодно было бы хорошо узнать и его имя.

Воскресенье 25 октября, 21:54

Бергер шел под дождем от самой Сёдермальмской больницы. Это действовало на удивление благотворно, как будто во время прогулки смыло всю грязь. Мрачный и суровый осенний вечер соперничал с мягким и слабым освещением Сёдермальма, и где-то в зоне конфликта между ними совершалось очищение. Пройдя последние несколько метров по улице Бундегатан и свернув на Плуггатан, Бергер почувствовал, что получил шанс начать заново.

Совсем не такие чувства посещали его обычно, когда он вваливался в лифт и поднимался на пятый этаж. Во всяком случае, не в последнее время. Больше двух лет. Можно ли это назвать последним временем?

Входная дверь, как всегда, сообщила, что здесь проживают Линдстрём и Бергер. Табличка оставалась на прежнем месте не из-за нерешительности, а потому что ощущение безнадежности было бы еще сильнее, если бы пришлось заходить в дверь, на которой написано просто «Бергер». Вот поэтому табличка и висит где висела, а Бергер убедил себя, что это активное действие.

Он вступал в долину смертной тени. Стоя в прихожей, Бергер смотрел, как с него капает вода, и чувствовал, как

струйки воды стекают по лицу, шее, ушам и дальше вниз, неся с собой холод. Словно все тело превратилось в один плачущий глаз.

От влажного холода Бергер успел продрогнуть насквозь, прежде чем добрался до ванной. Он снял мокрую одежду и бросил ее в ванну. Промокли даже трусы, так что Бергер, оказавшись перед зеркалом абсолютно ню, принялся растираться.

Он улыбнулся. *Ню*. Еще одно слово, которое запустило бы комплекс социальных различий у Ди. Ей все время мерещилось, что они происходят из разных общественных классов.

Бергер посмотрел на свое отражение. Он уже не улыбался. От этого тишина в квартире казалась особенно гнетущей, а ведь когда-то невыспавшиеся соседи жаловались на них и по утрам, и по вечерам.

Забрав почту и рюкзак с пола в прихожей и раздобыв пару трусов, Бергер снова посмотрел на отражение, как будто этого невозможно избежать. На сей раз в полутьме прихожей было достаточно легко примириться с увиденным, чтобы он углубился в созерцание. Это заблуждение, в котором ему всегда приходилось раскаиваться. В зеркале в полный рост отражался взлохмаченный темноволосый субъект со слегка отросшей щетиной и проблесками белого и в бороде и в волосах, к счастью, хотя бы без залысин. Если не считать небольшого уплотнения, которое, увы, свидетельствовало о начинающем отвисать животе, прямо-таки даже пивном жи-

воте, то длинное безволосое тело находилось почти в первоизданном виде, за исключением одного места. Его можно было разглядеть только вблизи. На левом плече виднелось углубление, и когда Бергер провел пальцами по краю пятисантиметрового в диаметре кратера, кожа, как обычно, ничего не ощущала. Мертвый участок его тела. Неприкасаемый. И все же что-то было не так, как всегда? Влага?

Бергер подошел ближе к зеркалу, чтобы победить полумрак. Оказавшись достаточно близко, он увидел, что из кратера, как раскаленная лава, стекает красная жидкость. Он содрогнулся от ужаса, но через долю секунды понял, что это кровоточат пальцы. Повязка на правой руке пропускала кровь. Он снял бинт, вытер чистым краем упрямо не желающие заживать костяшки и скользнул взглядом по левой руке. На запястье на кожаном ремешке красовались его Rolex Oyster Perpetual Datejust 1957 года выпуска. Из восемнадцатикаратного золота.

Он посмотрел на них, снял, разглядеть стрелки не удалось. Второй раз за день он не защитил их от влаги.

Бергер направился в спальню, там он положил рюкзак около кровати, а почту – на письменный стол, зажег настольную лампу и направил ее на часы. На мгновение ему показалось, что он видит конденсат и даже капли на внутренней стороне стекла, но, протерев его трусами, понял, что это обман зрения. Вода была только снаружи.

Он выдохнул с облегчением.

На столе на почетном месте – рядом с фоторамкой, повернутой к зрителю обратной стороной – стояла прямоугольная деревянная коробка. Бергер откинул крышку, и его взгляду открылись шесть обитых бархатом отделений. В четырех из них лежали наручные часы. Он положил «ролекс» в одно из пустующих отделений, провел ладонью по всем пяти часам и запер коробку на золотистый замочек. Именно в этот момент к нему, наконец, вернулось то чувство, очищающее чувство, чувство, что ему дан шанс начать заново.

Собственно говоря, рационального объяснения этому не было. Напротив, Аллан более определенно, чем когда-либо, перекрыл эту дорогу, да и встреча с Кристоффером Экманом в больнице не слишком обнадеживала.

Бергер надел трусы, противно мокрые после протирания часов, и мысленно вернулся в тоскливую больничную палату. Он ни за что не узнал бы Экмана, если бы не перебинтованные руки, торчащие под странным углом из плеч. Собственно лицо было ему почти незнакомо – всего лишь один из многих коллег, – но, когда он подошел ближе, Экман открыл глаза, и Бергер вспомнил их необычный цвет, светло-зеленый. Они поздоровались и недолго поговорили, вежливо, практически официально. Бергер заметил, что раны находятся ниже, чем он запомнил, почти у сгиба локтя. По очертаниям тела под простыней он прикинул, какой у Экмана может быть рост, и пришел к выводу, что метр семьдесят пять, едва ли больше.

У первого полицейского, входящего через только что взломанную дверь, оружие, как правило, поднято. Он не держит фонарь выше плеча – это уже потом, у следующих за ним. В момент, когда полицейский врывается в помещение, он обеими руками держит пистолет, локти согнуты под прямым углом, руки обычно немного расставлены в стороны. Следовательно, ножи, должно быть, пролетели по обеим сторонам поднятого пистолета Экмана. Ровно над ним. Пока Бергер на автопилоте вел беседу с раненым, мысль его лихорадочно работала. Вообще-то, разумно было бы предположить, что средний рост полицейского около метра восьмидесяти пяти, вероятно, чуть больше. Но тогда лезвия определенно пролетели бы под согнутыми локтями.

В этот момент в почву было брошено зерно, которое приземлилось, когда Бергер выходил из больницы, было полито и удобрено во время сознательно окольного пути домой по мокрым закоулкам Сёдермальма, чтобы сейчас – за письменным столом в спальне – прорасти и распуститься во всей красе.

Было ли это первым признаком возможной ошибки, который заметил Сэм Бергер?

Во время разговора Кристоффер Экман проронил одну-единственную реплику, которую стоило запомнить. Под конец, когда Бергер уже поднялся, чтобы уходить, Экман встретился своими светло-зелеными глазами с его взглядом и сказал сквозь зубы:

– Это зло в чистом виде. Вы должны поймать этого дьявола.

Клише. Но правда. Каковой клише являются чаще, чем хотелось бы.

Они действительно должны поймать его. Но как?

Начав заново.

Бергер лег в постель. Он положил подушку повыше, прижав к стене, накрылся одеялом и, свесившись с кровати, принялся рыться в рюкзаке. Достал три толстые папки. Отложил в сторону ту из них, на которой было написано «Эллен Савингер», а две другие положил на колени. На левой надпись «Юнна Эрикссон», на правой – «Юлия Альмстрём».

Начать заново. Искать новыми глазами. Найти похожие минимальные ошибки. Случаи, когда исполнение не вполне соответствовало намерениям.

Если бы мужчина ростом с Бергера вошел в дом первым, ножи пролетели бы под руками. Мразь об этом не подумала. Внезапно Бергеру почудилось, что совершенство дало трещину.

Про себя он всегда называл преступника мразью.

Начать заново. Он убрал «Юнну Эрикссон» и открыл «Юлию Альмстрём». Первая.

Потом он уснул.

Проснувшись в непонятное время от того, что «Юлия Альмстрём» с глухим стуком упала на пол, Бергер все еще не покинул окончательно странный вращающийся мир, где

помпезный фасад эстермальмской школы смешался с лязгающими, избыточно смазанными маслом цепями и шестернями, которые цеплялись друг за друга; где автофургон, который ждал на улице, неясными путями превратился в потную мужскую грудную клетку, над которой, подобно херувимам, витали одиннадцатилетние близнецы; где изображение лица, с которым согласились два независимых свидетеля, внезапно обрело жизнь и медленно и так же пугающе, как в последние три недели, открывало рот, пока он не стал невозможно огромным; и как раз в тот момент, когда во рту, как и в другие дни, обнажились зубы и приблизились к его бицепсу, а портрет слился с другим рисунком и оба лица стали одним, с изуродованными чертами, похожим на череп, когда эта общая челюсть сомкнулась и вгрызлась в плоть, прежде чем лица растаяли и уступили место ведру с мочой и экскрементами, которые пенились, вскипали и выплескивались через край, и вдруг там возникла только голая бетонная стена с коричневым пятном, которое, увеличиваясь, становилось все более красным, когда это ярко-красное пятно покрыло всю стену, Бергер проснулся от глухого стука, с которым папка ударилась об пол.

«Чертов сон», – успел он подумать. Потом открыл глаза и уставился в пустоту. Или, хуже того, вгляделся в пустоту.

Он, как всегда, чувствовал отвращение к этим херувимам. Их не должно там быть. Это рабочий сон, типичный сон – переработка впечатлений, за все годы он видел их уйму, все-

гда похожие. И близнецам в них определенно не место.

Однако медлило и не исчезало все-таки не это. И настольная лампа, и ночник по-прежнему горели, как будто Бергер заснул на полушаге. Он перегнулся через край кровати. Со-держимое папки «Юлия Альмстрём» рассыпалось по полу: фотографии записок, стикеров, счетов, вырезок из газет. Но искал он не это. Он схватил рюкзак и начал в нем рыться. Наконец выудил очень маленький пластиковый пакетик. Отбросив рюкзак, Бергер встал. Материалы расследования прилипали к пяткам, пока он шел к столу.

Коробка с часами стояла в своем одиноком величии. Бергер открыл замочек, откинул крышку, посмотрел на свои пятеро часов и погладил пустое отделение. Взгляд еще не совсем сфокусировался, все казалось сонно-туманным. Бергер взялся за две обитые бархатом стенки отделений и потянул вверх. Вынув внутреннюю часть коробки, он заглянул в нижнее отделение. Там лежало несколько крошечных пакетиков, на каждом по этикетке. Открыв выдвижной ящик стола, Бергер достал пачку самых маленьких этикеток, неровными буквами написал на одной из них «Эллен Савингер», оторвал листочек и приклеил на пакетик из рюкзака. Потом подержал его на свету и разглядел шестеренку. Не больше сантиметра в диаметре. Бергер навел порядок среди остальных пакетиков: на одном угадывались слова «Юнна Эрикссон», на другом «Юлия Альмстрём». Тогда он положил новую улику рядом с ними.

Какое-то время Бергер простоял, окруженный интуитивными догадками, которые пока не хотели кристаллизироваться в готовые мысли. Наконец, одна из них отделилась и обрела форму. Он ринулся обратно к кровати, схватил папку «Эллен Савингер» и открыл ее. Согнувшись над фотографиями полицейского фотографа, он рассматривал детали. Камера в подвале, опрокинутое ведро, кровавое пятно, которое на самом деле было не таким большим, как он запомнил. Много углов, больше ничего особенного. Бергер стукнул кулаком по снимкам. Замер. Правая ладонь лежала на фотографиях места преступления, как умирающий краб. Из костяшек все еще немного сочилась кровь. Вдруг его осенило. Он засунул руку в рюкзак и достал мобильный телефон. Сел на край кровати и начал неловко нажимать кнопки на электронном чуде. Наконец, появились фотографии.

Близнецы были отправным пунктом. Полярная звезда, неподвижная точка вращающегося мира. Отсюда все начиналось. И хотя Бергер направлялся во вращающийся мир, он сделал остановку здесь. Чтобы определить азимут. Маркус и Оскар. В овражке, поросшем мать-и-мачехой. Здесь им, наверное, лет восемь. Все успокоилось, специфическое затишье в центре урагана, «глаз бури». Может быть, их присутствием он пытался остановить бег времени. Остановить постоянное вращение.

Но время никуда не девалось. Хаос никуда не девался. Вокруг полярной звезды вращался мир. Единственно возмож-

ный для нас мир.

Бергер перелистал фотографии до конца списка. Самыми последними шли несколько снимков, которые он сделал на террасе в Мерсте, запечатлев ограждения и машины «скорой помощи» и полиции. Он ненадолго остановился, почувствовал, что морщит лоб, но все-таки принялся листать дальше, возвращаясь к подвалу.

Он не помнил, что нафотографировал так много. Освещение было намного хуже, чем на снимках полицейского фотографа, сделанных с профессиональными осветителями. В целом можно сказать, что фото Бергера просто ужасны. Он полистал их туда и обратно. Пару раз остановился на стене с кровавым пятном внизу кадра. Увеличил это место пальцами, как научила его Ди. Вернулся к отправной точке. Маркус и Оскар. Париж. Бергеру никогда не удавалось просто пролистать их, о чем бы он в этот момент ни думал, это было невозможно. Наконец, он все-таки провел пальцем по экрану и перешел к следующему снимку, самому первому внутри дома.

Вполне безобидная картина. Участок стены, освещенный как минимум тремя фонариками. Внизу, в углу, полуметровый квадрат, где цвет бетона чуть светлее. Бергер долистал до снимков внутри камеры, выбрал один, где кровавое пятно почти полностью исчезло внизу справа на границе кадра. Снова увеличил, приближая бетонную стену, насколько это возможно.

Как всегда, он опасался смотреть время на мобильном телефоне. Время показывают механические часы, это закон природы. Он достал «ролекс» из коробки. Половина четвертого, предрассветное мрачное время. Ему повезло, что он уснул, не выпив свой обычный бокал виски, значит, он может вести машину и ему ничто не грозит, кроме разве что сонливости. И, возможно, аквапланирования.

Бергер достал ящик с инструментами из переполненной всяческим хламом гардеробной в прихожей, бросил несколько приспособлений в рюкзак и вышел из дома.

Одним из очень немногих преимуществ странного звания инспектор уголовной полиции с особыми полномочиями является служебный автомобиль. Одним из многочисленных недостатков – отсутствие бесплатного места в гараже в придачу. Добравшись до машины под непрекращающимся дождем, он обнаружил как минимум три желтые квитанции на оплату штрафа, смытые водой через вентиляционную решетку под капот.

Всегда странно ехать по пустому Стокгольму. Так быстро добраться до ведущего на север шоссе Бергеру не удавалось ни разу с тех пор, как он перестал носить форму. Он позволил себе разогнаться. Свернул в Мерсту, проехал через нее и направился к окраине. Все ближе и ближе к бескрайним упландским лесам.

На всякий случай Бергер припарковался на стоянке у последнего жилого района, не доезжая до построек более заго-

родного вида. Закинув рюкзак на плечо, он шел под проливным дождем, даже не думая о зонте; полицейские не носят зонтов, и точка. Не встретив ни души, он, наконец, заметил в слабом свете уличных фонарей три развалившиеся дома на соседнем участке; ему показалось, что он даже видит щели в трухлявой древесине.

На калитке висела бело-голубая пластиковая лента заграждения. Бергер разбежался, почувствовал под ладонью металл, перемахнул через забор. Все прошло на удивление безболезненно.

Терраса была почти не видна. Бергер снова оказался там, позади штурмующих дверь полицейских, с непривычно всхлипывающей Ди за спиной. Очертания дома начали медленно проступать сквозь занавес ночного дождя. Бергер подошел к первой ступеньке ведущей на террасу лестницы и изловчился пролезть через плотную бело-голубую паутину. Когда он вставил в замок отмычку, луна пробилась через невидимую щель между облаками и окрасила грязно-белую террасу в ледящий голубоватый цвет.

Из-за внезапного света Бергер резко рванулся в сторону, но, низко пригнувшись сбоку от притолоки и открывая дверь, он испытывал только одно чувство: скорбь.

Скорбь из-за того, что происходило здесь в течение трех недель. Время, которое, должно быть, для до смерти испуганной пятнадцатилетней девочки, которая и мухи не обидела, превратилось в три года. А потом ее увезли неизвестно

куда, утащили еще глубже в ад.

Скорбь следовала за светом фонарика Бергера мимо обезвреженного метательного механизма-ловушки в прихожей, она стала сильнее в гостиной, еще мучительней в спальне, а когда он приблизился к джунглям из бело-голубой ленты над дырой в полу между холодильником и плитой, скорбь кричала и жглась у него в голове.

Бергер посветил в отверстие, лестница была едва различима. Он полез вниз. Пробрался через лабиринт подвальных стен, освещая их фонариком. На одной стене на уровне глаз было кровавое пятно. Бергер бросил взгляд на правую руку. Кровь смешалась с дождевой водой и стала светло-красной. Непонятно, почему рана так долго не заживает.

Бергер наклонился к пробитому в стене входу в камеру. Отверстие стало больше, он предположил, что это из-за Робина, безусловно лучшего эксперта-криминалиста, но еще и самого толстого. Бергер не удержался от короткой невеселой улыбки и куда проворнее, чем в первый раз, пролез в дыру. Строительная пыль из прошлого оседала на него, пока он пробирался внутрь.

И вот он снова в камере. То же чувство, что в прошлый раз, когда он был здесь с Ди. Но сейчас ее нет с ним, и некому его обнять.

Бергеру снова показалось, что стены кричат от боли, вспоминая то, чему они были невольными свидетелями. Ему пришлось буквально физически стряхнуть это ощущение. Он

тряс головой, пока там не осталась одна лишь скорбь, которая уже захватила его голову, словно токсоплазмоз. Паразиты в коре мозга.

Черви в голове.

Наконец Бергеру удалось приемлемо отрегулировать свет. Он посветил на пятно вдоль пола и дальней стены. Потом вверху, подошел ближе, изучил серую стену по обеим сторонам пятна, взглянул на обе подгнившие деревянные опоры, которые тянулись от пола до потолка в паре метрах от стены.

Эллен Савингер сидела здесь, словно в клетке с невидимыми стенами. Сидела неподвижно. Жидкость в разное время оказывалась на одном и том же месте. Бергер отошел от стены и приблизился к опорам. Они обрамляли невидимую клетку, образовывали вместе со стеной куб со сторонами не больше двух метров. Бергер потрогал зазубрины в подгнивших опорах. Засечки на трех уровнях: верхние на уровне глаз, почти незаметные. Он вернулся к стене, поставил рюкзак, открыл его, вытащил зубило и поднес его к хорошо освещенному участку стены. Ведь здесь же явно то же самое, что снаружи около прорубленного входа? Ведь здесь же тоже есть, хотя и не такие явные, светлые пятна на бетонной стене?

Он же именно ради этого и приехал сюда в предрассветный час.

Бергер потянулся за молотком. Оказалось довольно сложно запустить руку в рюкзак, одновременно продолжая дер-

жать зубило у стены. Справившись с этим, Бергер взялся за дело.

Продвинувшись на пару сантиметров, он был готов сдать-ся. Крошить твердейший бетон было тяжело, почти половина ударов давала такую отдачу, что казалось, будто бы зубило бьет камень. Вдруг что-то показалось. Кусочек металла, согнутый, словно ввинченный глубже в стену. Бергер превозмог боль в плечах и продолжил. И долбил еще полчаса.

Наконец объект показался из стены целиком. Толстый металлический крюк, замкнутый; может быть, это можно назвать кольцом для троса? И вкручен еще глубже в стену.

Бергер отложил в сторону молоток и зубило, ухватился за кольцо и потянул изо всех сил. В какой-то момент он изловчился упереться обеими ногами в стену и отталкиваться от нее что было мочи. Кольцо не поддалось. Оно держалось в стене намертво.

Взяв молоток, Бергер простучал стену вокруг. Откололось еще несколько кусков бетона. Было очевидно, что состав стены меняется на глубине дециметра, там, где вкручено кольцо. Возможно ли, что настоящая стена целиком находится внутри?

Бергер осветил стену внизу на полметра от дыры, из которой торчало кольцо. Только очень внимательно всмотревшись в нее, как орел, высматривающий добычу, Бергер смог уловить различия в цвете и в этом месте. Размяв плечи и шею, так что аж кости захрустели, он снова принялся за ра-

боту.

Время шло. Он понятия не имел, сколько часов он медленно-медленно, обливаясь потом, долбит стену, находя кольцо за кольцом, пока их не стало шесть, по три с каждой стороны кровавого пятна. Пятна, которое было образовано несколькими слоями крови.

Бергер остановился. Мышцы болели, и он как будто только сейчас понял, какие усилия им пришлось приложить. Он подошел к опорам, снова потрогал засечки в дереве. Они находились на той же высоте, что замурованные в стену кольца.

Ему не удавалось свести все воедино. Получается, что раньше существовала стена, которую скрыли, покрыв слоем бетона? Этот скот сделал стену толще почти на десять сантиметров, чтобы скрыть намертво вкрученные в нее кольца? Тяжелая и требующая большой точности работа, а Эллен Савингер сидит привязанная к той же стене? Хотя ее кровь ведь постепенно накапливалась на стене, день за днем, как годовичные кольца у дерева. Но ведь тогда у нее за спиной не было этой стены? Если между вкрученными в стену кольцами и деревянными опорами были натянуты какие-то цепи, значит, в начале заточения Эллен стена находилась почти на дециметр дальше. И как тогда могла кровь день за днем падать на стену, которая еще не была возведена?

Вероятно, мозг Бергера находился не в лучшем состоянии – и недостаток сна, и тяжелая физическая работа истощили его, – но во всем этом крылся какой-то настоящий парадокс.

Невозможные фигуры Эшера, лестницы, убегающие в бесконечность, рука, которая рисует руку, которая рисует эту руку.

Хотя, возможно, все-таки нет. Цвет отличался именно там, где находились кольца. Не исключено, что мороз только просверлила бетон до другой стены, чтобы закрепить свои проклятые кольца. Может быть, он настолько сведущ в области строительства, что знал о существовании более прочной стены за бетонной стеной.

Может быть, нет никакого смысла в спрятанных кольцах, кроме как упаковать их. Как подарок.

Как будто в коробку. Внутрь коробки.

Для чего бы эти кольца ни использовались, смысл был в том, чтобы они нашлись. Мороз снова блеснула. Хотел показать, какой он умный. Хотел вызвать восхищение. Но у кого, черт бы его побрал?

Бергер устало сделал несколько снимков. В последний раз попытался представить себе ход событий. Не получилось, мысли не задерживались в голове. Он надеялся, что сумеет доехать до дома, не потеряв управление на мокрой дороге и не попав в больницу.

Кстати, а сколько времени он находился внизу, в подвале без окон? Прежде чем ему удалось рассмотреть циферблат на запястье, у него мелькнула беспокойная мысль, что уже рассвело и соседи начали выходить из домов.

Часы показывали без десяти семь.

С временем Бергер не дружил.

Он выбрался через отверстие в стене, поднялся по лестнице и вышел на террасу, где сделал несколько глубоких вдохов. На улице все еще было темно. К счастью, уже стояла достаточно поздняя осень, и рассветало не так рано. Да и упрямый дождь, ливший так же сильно, как раньше, удерживал соседей-жаворонков в домах.

Бергер стоял на террасе и смотрел на калитку. На секунду перед глазами у него мелькнула очень ясная картина: «скорая помощь», полицейские машины, ограждение, зеваки... Он в последний раз полной грудью вдохнул влажный воздух и взглянул на свои руки, которые лежали на перилах террасы. Взгляд задержался на костяшках правой кисти.

Раны вроде бы зажили.

Понедельник 26 октября, 07:26

Не только понедельник был виной тому, что это утро казалось темнее, чем обычно. Осень всерьез вступила в свои права, и когда инспектор Дезире Росенквист дрожа набирала код, чтобы войти в здание Управления полиции, было ощущение, что на дворе глубокая ночь. Зато хотя бы прекратился дождь. Он перестал уже тогда, когда она вышла из дома. Потом она помахала Люкке, оставляя его в детском саду, и, как всегда, с тяжелым чувством вины села за руль совершенно не экологичного старого автомобиля. Когда она смогла ловко проскочить на улицу Нюнесвеген до возникновения пробок, полотно дороги казалось почти сухим.

И, тем не менее, одежда Бергера была мокрой.

Дезире вяло кивнула двум коллегам, уже сидевшим на рабочем месте, а сама, как ищущий свою цель робот, устремилась в угол офиса, где находился стол Бергера. Ее стоял там же.

Бергер был похож на мокрого пса и таращился прямо перед собой. Они едва поздоровались, Дезире, как обычно, села спиной к его спине и начала стучать по клавиатуре. Хотя она намеренно повернула монитор в сторону, у нее не было ощущения, что Бергера интересует, чем она занята.

Он действительно устался в никуда. Таким образом он обычно тайком спал. Никто на самом деле не замечал разницы между коротким восстановительным сном и глубокой концентрацией, и не факт, что сам Бергер ее замечал. Он успел застать всеобщую воинскую обязанность, а служба в армии в сильной степени сводилась к умению выглядеть бодрствующим, когда спишь.

Ди обернулась и сказала:

– Движения дождевых облаков.

Такое весьма загадочное замечание не могло не вывести Бергера из спячки. Он повернулся к Ди. Она продолжала:

– Микрометеорология – вот тебе еще одно слово, которое будет подчеркивать твой высокий статус, Сэм.

– У нас с тобой одинаковый статус, Ди. Чем ты занята?

– Мы находимся в зоне суровой осенней непогоды дольше, чем можем себе представить. Но она капризна и непредсказуема, и сегодня утром прояснилось, ненадолго, и дожди сместились к северу. Можешь проверить временные промежутки по этой карте.

Бергер посмотрел на монитор. Огромная анимированная грозовая туча скользила вверх по экрану, таймер показывал время. Оно шло очень быстро. Когда счетчик добрался до цифр ноль-шесть-ноль-ноль, изображение начало принимать знакомые очертания, и Бергер приблизительно узнал местность. Ди нажала на паузу.

– Скугос, – сказала она и показала на карту. – Там живу я.

Облачность двинулась дальше на север, открывая хорошо знакомые контуры Стокгольма. Ди снова нажала на паузу, когда весь центр города освободился от туч, указала на экран и сказала:

– А здесь живешь ты. Плуггатан в верхней части Сёдер-мальма. Там дождь закончился приблизительно в двадцать минут седьмого.

Область непогоды продолжала смещаться на север. Когда таймер показал ноль-шесть-пятьдесят-четыре, Ди в третий раз нажала на паузу.

– Ты следишь? – спросила она.

Бергер кивнул, невольно зачарованный.

Когда тяжелое облако двинулось дальше, на карте на мониторе открылось название «Мерста».

Ди повернулась к Бергеру, впиалась в него взглядом и сказала:

– Чтобы по-прежнему выглядеть таким промокшим, Сэм, ты должен был совсем недавно вернуться с севера.

– Занимайся своим делом, женщина.

Повернувшись на стуле, он не смог скрыть улыбку. Взгляд упал на запястье. Третий раз за сутки он не защитил свой старый «ролекс» от влаги, и сейчас в самом деле казалось, что вода проникла внутрь. Впервые с тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года. Зловещая затуманенность покрывала с внутренней стороны левую половину стекла там, где находились стрелки.

Прямо сейчас времени не существовало.

Бергер достал бумажный носовой платок из ящика и положил часы на него. Направил настольную лампу на циферблат. Может быть, тепла от лампы будет достаточно.

Крайне неохотно Бергер посмотрел время на мобильном телефоне. Взглянул через плечо на Ди. Она сидела, погрузившись в фотографии из дома в Мерсте, как будто следуя за Бергером. Он тряхнул головой и открыл фотографии на телефоне. Близнецы, Маркус и Оскар, начинать всегда должно с этого. Маркус и Оскар Бабино. И жгучая пустота, которая всякий раз вырастала в нем. Бергер долистал до конца списка, пропустив первые фотографии внутри дома, в подвале, на террасе, и открыл самые новые.

Он повернулся и постучал Ди по плечу. Она тут же обернулась, как будто ожидала этого.

Не говоря ни слова, он протянул ей мобильный. Она бросила взгляд на Бергера и взяла телефон. Привычным движением приблизила утопленные в стене кольца для тросов. Бергер все время наблюдал за ней, видел, как на лбу проявляются морщинки. Полистав снимки несколько раз, Ди отдала телефон Бергеру и спросила:

– Что это такое?

– Кольца, – ответил Бергер. – Скрытые глубоко в стене.

– Какой-то механизм?

– Не знаю. Может быть.

– Мы должны рассказать Робину.

– Он придет сюда. У нас встреча в половине девятого.

Ди покивала. Потом уточнила:

– То есть утреннее совещание отменено?

– Почти никого нет на месте, – сказал Бергер, разводя руками. – И мы все равно не можем сказать ничего нового.

– Вот это – новое, – Ди кивнула в сторону телефона.

– Нет, пока этим не занялся Робин.

В восемь утра должно было бы состояться утреннее собрание, среди коллег называемое совещанием, но после вчерашней слепополуденной встречи им действительно нечего было обсуждать. К тому же большинство находились на заданиях. Трое руководили обходом соседей в Мерсте, их общее бормотание доносилось до самого Управления полиции; Силь сидела в медиакабинете, почти так же бормоча, и в деталях изучала отчеты о новостях; двое коллег еще раз навещали немногочисленных свидетелей, снова беседовали с бедными родителями Эллен Савингер. На месте были только Майя и Самир, Майя в качестве координатора, Самир в поисках риелтора, сдавшего дом.

Бергер позвонил в Мерсту. Его подчиненные только что задействовали своих людей. Вчерашний опрос соседей продолжался: все дальше от места преступления, все холоднее.

– Никаких признаков жизни в доме? – спросил Бергер и поймал на себе косой взгляд Ди.

Тут рядом возник Самир, прячущий свою молодость за длинной хипстерской бородой. Он перелистывал какие-то

бумаги.

– Кажется, этот мутный риелтор на самом деле нарыл адрес.

– Дай угадаю, – сказал Бергер. – На хотмейле?

– Он еще существует? – спросил Самир, выскребая из бороды банановые чипсы.

Он протянул лист бумаги. Бергер взял его и передал Ди, которая забрала его и отнесла Майе. Можно сказать, круг замкнулся.

– Докопайся до самого дна, – сказал Бергер Самиру. – Вероятность, что на другом конце что-то найдется, конечно, минимальна.

– Без вдохновляющего руководителя мы бы никогда не сдюжили, – тихо отозвался Самир и вернулся на свое место.

Сложно сказать, сколько времени прошло, прежде чем в офисе появился весьма дородный мужчина в элегантном костюме-тройке. Поскольку цвет костюма к тому же едва уловимо отдавал в фиолетовый, оба спутника мужчины терялись в распростершейся за ним бесцветности. Бергер встал и пошел ему навстречу.

– Робин, – сказал он, протягивая руку. – Рад видеть, что ты отряхнул подвальную грязь с одежд.

Робин пожал его руку и показал на колени:

– А ты, наоборот, не отряхнул на удивление много для человека, который не был там целые сутки.

– Я окружен людьми с претензией на звание детектива, –

пожаловался Бергер и махнул рукой в сторону следующего коридора.

Трое посетителей направились туда следом за ним, к процессии присоединилась Ди. Бергер провел их в совершенно стерильную комнату для переговоров. Все расселись вокруг унылого стола.

– Ты ведь знаком с Вирой, – уточнил Робин и показал на пришедшую с ним женщину, которая выглядела на двадцать четыре года и ни дня старше.

Вира кивнула совершенно по-врачебному, и это добавило к ее возрасту лет десять.

– Судмедэксперт Хёг, стало быть, решил не приходить и направил одного из своих ассистентов, – холодно констатировал Бергер.

– По той простой причине, что сказать тут особенно нечего, – ответила Вира еще холоднее. – Самой старой крови, по нашим оценкам, восемнадцать дней, самой новой – четыре. В общей сложности ее не больше трех децилитров. Но во всем доме нашлись следы двух ДНК. Много крови: Эллен Савингер. Мало крови: Сэм Бергер. Ваша рана зажила?

Бергер посмотрел на костяшки на правой руке и сказал:

– Токсикология?

– Что? – спросила Вира.

– Если уже есть результат анализа на ДНК, то вы, конечно, провели и токсикологическую экспертизу. Искали вещества в крови в разных слоях. Выстроили хронологию, график

возможного приема ядов или наркотиков.

Вира в первый раз казалась растерянной.

– Работа над ошибками не будет лишней, – сказал Бергер. – А кто твой второй юный друг, Робин?

– Кэри, – ответил Робин. – Инженер звукозаписи. Но подождем пока с этим. Чем больше я смотрю на твой свежесохший облик, тем яснее мне становится, что я не все знаю. Я думал отчитаться, как обстоят дела у экспертов-криминалистов, но уже не могу. Ты провел ночь в подвале, Сэм? Тебе приснился провидческий сон? Вступил в непосредственный контакт с духами дома?

Бергер молча протянул Робину мобильный телефон. Стильный криминалист изучил его и поморщил нос.

– Твою мать, – сказал он.

Это произнес человек, который никогда не ругается.

– Ничего страшного, – утешил его Бергер, положив руку ему на плечо. – Даже выдающиеся эксперты могут проявить халатность на грани преступления.

Было видно, что на языке у Робина вертится целая подборка резких ответов. Но он воздержался, и это принесло ему золотую звездочку в рейтинге Бергера.

– Что тебя туда занесло? – только и сказал Робин.

– Те же отличия в цвете, что были у потайного входа внутрь.

– Нехорошо, – сказал Робин. – Мне надо будет поработать над ошибками.

– Рад слышать, – безрадостно прокомментировал Бергер. – Дай мне что-то еще, пожалуйста.

Робин закрыл свое огромное лицо такими же огромными руками. Это не было жестом отчаяния – такое было совсем не в его стиле, – скорее, задумчивости.

– Это меняет взгляд на отметки на опорах, – наконец, произнес он. – Нам придется над этим еще подумать. Они, должно быть, новее, чем показали наши первые оценки. Вероятно, их специально пытались состарить. Потому что они, вероятно, связаны со старательно спрятанными кольцами. И если за стеной была еще одна, более прочная, то примечателен факт, что вся кровь оказалась на новой стене, которой, по всей видимости, не существовало, когда прятали кольца. Парадокс.

– Что еще? – спросил Бергер.

Робин посмотрел на него несколько секунд, потом, наконец, сказал:

– На полу были отметины.

– Отметины?

– Небольшие отметины близко к стене, чуть больше – в метре от нее.

Робин огляделся, как будто ожидая озарения.

– Нет, – сказала Ди с широко раскрытыми глазами.

– Да, – возразил Робин, взглянув на нее с уважением.

– В бетонном полу? Ногти?

– Боюсь, что так. Отметины, сделанные ногтями рук у сте-

ны, ногтями ног подальше. Впрочем, никаких следов кератина.

– Кератина? – спросил Бергер.

– Роговое вещество, – сказала Вира с врачебным кивком. – Серосодержащий белок, из которого в основном состоят волосы, ногти и рога.

– Рога? – закричал Бергер. – В этом дьявольском подвале должна быть куча следов рогов и серы!

– Он там пропылесосил, – спокойно сказал Робин. – Точно так же, как он пропылесосил весь дом, при помощи очень хорошего пылесоса.

– Настолько хорошего, что его даже можно проследить?

– Возможно. На рынке представлено не так уж много поративных пылесосов для такой тщательной уборки. Я к этому вернусь.

– Хорошо, – сказал Бергер. – Что еще?

– Метательный механизм в прихожей, – продолжил Робин. – Его можно описать как арбалет с двойной тетивой. Тонкий механизм для двух свободно лежащих лезвий. У них особый центр тяжести. Обычно, когда мечешь нож, он вращается, летя к цели. Хотя в данном случае речь идет всего о паре метров до упомянутой цели, требуется специальная балансировка, чтобы ножи летели прямо. И эти – специально сбалансированы.

– Самоделка? – спросил Бергер.

Робин кивнул и покачал головой. Одновременно.

– Насколько я могу судить, да.

– Но почему не использовать стрелы? – сказала Ди. – Арбалетные или для лука. Они же предназначены для того, чтобы лететь прямо. Вместо этого он переделывает что-то, не приспособленное лететь прямо. Зачем?

– Потому что ножи страшнее, – ответил Бергер. – И потому что он снова хочет блеснуть.

– Мне сложно в настоящий момент судить о лезвиях, – признал Робин. – На самом деле я не знаю, что это и для чего они в мирной жизни были предназначены. Не исключено, что они отлиты самостоятельно. К этому мне тоже придется еще вернуться.

– А ведро с испражнениями?

– В буквальном смысле смесь фекалий и мочи. Как и в случае с кровью, Национальный экспертно-криминалистический центр – это наше новое стильное название с первого января – сотрудничает с Судебно-медицинским управлением. Вира?

– Хлеб и вода, – сказала Вира.

– Это тоже профессиональные термины? – спросил Бергер. – Как кератин?

– Еще маргарин, – невозмутимо продолжила Вира. – Вода, хлеб и маргарин. Разные сорта хлеба: и белый, и более богатый клетчаткой. Ни мяса, ни овощей, ни сыра, никаких признаков другого питания, кроме воды. Анализы продолжаются.

– Но у токсикологического приоритет выше, – подчеркнул

Бергер.

Вира замолчала. Робин хранил молчание.

– А что у Кэри? – спросил Бергер.

– Он один из лучших в Швеции специалистов по звукозаписи, невзирая на свою сублимную наружность, – ответил Робин. – У него есть новости о голосе.

– Вы сейчас говорите о голосе Лины Викстрём? – уточнила Ди. – Той, что звонила и сделала заявление, что Эллен находится в Мерсте?

– Именно, – подтвердил Робин. – Кэри?

Сидящий в углу неприметный молодой человек откашлялся и заговорил:

– Я проанализировал запись всеми мыслимыми способами, микрофрагмент за микрофрагментом, а также применил ряд более экспериментальных методов. К сожалению, я должен признать, что я еще не совсем все закончил, хотя работал всю ночь. Голос пропущен через такое количество фильтров, что даже было сложно понять, лежал ли в основе человеческий голос.

– И каков вывод? – спросил Бергер.

– Все указывает на то, что это так. Правда, было нелегко докопаться до исходных данных. Мне нужен еще день-другой, чтобы...

– Нет, – прервал его Бергер. – Нам нужно на что-то опереться.

– На данный момент я не могу определить...

– Сейчас. Пожалуйста.

– Хорошо, – сказал Кэри и наклонился вперед. – Я пока не могу идентифицировать говорящего, все слишком неопределенно, чтобы выделить индивидуальные отличительные черты голоса. Вероятно, можно назвать пол, но опять-таки...

– Мужчина? – не дал ему договорить Бергер. – Звонил мужчина, который притворялся женщиной?

– Нет, – ответил Кэри. – Говорила женщина.

Бергер оледенел, и в результате вся комната погрузилась в состояние заморозки. Время шло. Все взгляды были обращены на Бергера. Наконец он произнес:

– Должен ли я считать это гипотезой?

– Вероятность девяносто семь целых четыре десятых процента, – ответил Кэри.

Бергер встал и вышел из комнаты.

После этого оставшиеся в комнате даже растерялись не сразу. Когда замешательство прошло, Робин поднялся и выплыл из переговорной с Вирой и Кэри в кильватере.

Ди осталась одна. Через полминуты она глубоко вздохнула и встала.

Когда она появилась в общей офисной зоне, Бергер уже сидел на своем месте, снова уставившись в никуда. Ди с опаской приблизилась к нему, села на свой стул и повернулась к Бергеру. Поймать его взгляд не удалось. Это состояние продлилось так долго, что Ди, наконец, не выдержала:

– Наш преступник – женщина?

Бергер посмотрел на нее с отсутствующим видом.

– Или у него все же есть помощница? – выдвинула Ди следующее предположение.

Крайне неохотно Бергер выбрался из своей берлоги.

– Возможно, это актриса, – пробормотал он. – Или кто-то, кого он просто встретил на улице и сделал предложение, от которого она не смогла отказаться.

– В таком случае она, вероятно, его видела, – сказал Ди.

Тогда Бергер нагнулся, и они оказались лицом к лицу. Он нахмурился и смотрел ей в глаза неожиданно долго.

– Видела, – согласился он.

Он снова достал свой мобильный и зарылся в него. Фотографии. Полярная звезда. Маркус и Оскар. Снимки из дома. Подвал. Адская камера. Сразу после. Наверху, на террасе, удивительно свежий воздух. Бергер и Ди рядом. Почти закончился дождь. Именно тогда его пронзило странное и неуловимое ощущение, которое сразу исчезло, оставив после себя пустоту.

Что это было за ощущение?

Взгляд?

Фотографии. Фотографии с террасы.

Ди наблюдала за ним. Он перелистывал и увеличивал снимки пальцами, как будто никогда ничем другим не занимался. В конце концов он склонился над телефоном так, словно у него сильнейшая близорукость. Потом встал. Постоял. Схватил рюкзак. С видом глубокой растерянности на-

правился к выходу.

– Ты куда? – крикнула Ди, которой не пришло в голову ничего лучше.

– К стоматологу, – ответил Бергер и обернулся. – Если объявится Аллан, скажи, что мне пришлось срочно пойти к стоматологу.

– Да что ж такое! – воскликнула Ди.

– Стоматолог, – пробормотал Бергер, уходя. – Именно так. Я у стоматолога.

– Ты хотя бы к послеобеденному совещанию-то вернешься? – спросила Ди потухшим голосом, откровенно отчаявшись добиться вразумительных ответов.

Спина Бергера ответила:

– Если сильно повезет, я вернусь к послеобеденному совещанию, как следует наточив зубы.

Понедельник 26 октября, 09:28

Отсутствие гаража в комплекте было не единственным недостатком служебной машины. Вторым были сиденья. Их обтягивала отнюдь не кожа, хотя бы даже и самая что ни на есть искусственная. Под мешковатой обивкой из быстросохнущей ткани находился какой-то хорошо впитывающий жидкость наполнитель. То, что выглядело сухим и чистым, было внутри насквозь мокрым. Другими словами, наконец-то высохшая одежда Бергера моментально вернулась в то состояние, которое уже начало становиться привычным.

Как будто это имеет хоть какое-то значение. Бергер целенаправленно мчался через город, пока не притормозил у неожиданно свободного парковочного места прямо напротив подъезда на Плуггатан. Хотя лифт впервые за последние полгода оказался на первом этаже, Бергер на удивление бодро взбежал на пятый этаж, перепрыгивая через ступени. Ему даже удалось не ощутить усилившиеся фантомные боли, посещавшие его всякий раз при взгляде на табличку «Линдстрём & Бергер» на входной двери. Уже в квартире он постарался не бросить взгляд на ванну через широко открытую дверь ванной комнаты – вчерашняя одежда, кажется, предпочла гнить, а не сохнуть – и прошел сразу в зава-

ленную вещами спальню. Хаос, оставленный им в предрасветной мгле. Все вещи валялись там, где он оставил их в половине четвертого: рассыпанное по полу содержимое папки «Юлия Альмстрём» и бумаги из папок «Юнна Эрикссон» и «Эллен Савингер», вперемешку лежащие на застеленной стороне слишком большой двуспальной кровати. Бергер открыл ящик письменного стола, достал лупу, собрал папки, одну за другой, положил их рядом друг с другом на краю постели, сел на корточки и достал мобильный.

Он быстро пролистал фотографии в телефоне и добрался до террасы. Три снимка, в целом идентичные. Полицейские как раз вышли из кошмарного подвала, все вокруг казалось новым, незнакомым. Раненого Экмана подняли, «скорая помощь» уезжает, последние следы его крови только что смыло с настила на террасе. Ди жметса ближе к Бергеру, замечательная свежесть воздуха после дождя, смесь озона и спор, которые влага высвободила из глубины земли.

И ровно в этот момент. Ощущение. Мгновенно исчезнувшее.

Все так просто? Так чертовски банально?

Бергер взгляделся в первую фотографию. Кровоточащая правая рука дрогнула, левая – мокрая от пота после пластиковой перчатки. Около ограждений стоят две полицейские машины, произвольные движения руки с мобильным как бы растянули синие огни в сторону, прочертив на снимке что-то похожее на волны. Вплотную к машинам теснят-

ся операторы, звукорежиссеры и репортеры и человек двадцать зевак без определенных черт лица. Вторая фотография удалась намного лучше, синие огни на ней выглядят как точки, и как минимум одного знакомого по телепрограммам журналиста можно узнать. Бергер осторожно увеличил снимок, чтобы разглядеть одно за другим лица: сначала люди из СМИ, их легко отличить, а потом совершенно обычные любопытствующие зрители. Рассматривая их по очереди на маленьком экране, Бергер сконцентрировал внимание на самом себе, на своих физических реакциях. Повторится ли ощущение?

После пяти-шести лиц оно вернулось, не такое яркое, но отчетливое. Женщина.

Блондинка лет тридцати пяти, лицо повернуто в профиль, как будто объектив поймал ее в тот момент, когда она бросила взгляд через плечо. Очертания довольно четкие – курносый нос и все остальное. Голова высывается из-за стоящих в первом ряду зрителей, и из одежды не видно ничего, кроме воротника светлого плаща, возможно, бежевого.

Бергер перелистнул фото и посмотрел на третий кадр, последний на террасе. Увеличил его большим и указательным пальцами. Теперь женщина, кажется, смотрит прямо в мобильный Бергера. Мужчины перед ней подвинулись, и ее стало лучше видно. Теперь пальто выглядело скорее грязно-белым, и казалось, что она стоит, широко расставив ноги и нагнувшись в сторону. Поза странная и своеобразная. Только

увеличив кадр еще сильнее, так что картинка рассыпалась на отдельные пиксели, Бергер увидел, что у женщины велосипед между ногами.

Бергер почесал голову и задумался.

Исключительно интуиция, ни единого движения интеллекта. Но зато чувства. Да, именно эту женщину он тогда заметил. Из-за нее его пронзило сильное, но неуловимое ощущение там, на террасе. И из-за нее он инстинктивно схватился за мобильный и принялся фотографировать.

Бергер положил телефон на кровать рядом с тремя папками и задумался, как бы ему уговорить компьютерного эксперта Силь поднять два ранних расследования так, чтобы Аллан об этом не узнал. Он открыл среднюю папку – «Юнна Эрикссон» – и принялся исступленно искать картинки, фотографии. Где-то были фото зимнего леса. Вот, наконец-то. Три штуки подряд. Фото корреспондентов были среднего качества, разрешение отвратительное, но за бело-голубыми лентами была четко видна толпа народа.

Бергер взял лупу и поднес ее к фотографии. Инстинкт не подвел – слишком плохое качество. То, что он ищет, он видел не здесь. Но с расположенным в центре снимком, сделанным полицией, ему повезло. Лупа увеличила изображение велосипеда. Голова скрыта под большой меховой шапкой, нижняя часть лица укутана толстым шарфом. Виден только нос, чуть более красный, но тот же самый, курносый.

Бергер отбросил папку в сторону и схватил бумаги из дела

Юлии Альмстрём. Больше фотографий, все немного бестолковые. Группа мотоциклистов, заграждения, зеваки. Снова лупа. О, черт! Есть.

Как же, черт возьми, он мог это пропустить?

У Бергера уже давно затекли ноги. Когда он встал, они страшно ныли. Не обращая внимания на боль, он сфотографировал снимки на мобильный, отправил три мейла, сделал два звонка, пытаясь одновременно размять ноги. Прихрамывая, он ходил по спальне, заставляя кровь снова нормально циркулировать. Первый разговор выглядел следующим образом:

– Силь? Ты еще в медиакабинете? Хорошо. Я отправил тебе письмо.

Второй разговор происходил, пока Бергер бегом спускался по лестнице с забитым доверху рюкзаком, и был почти так же короток:

– Ди? Перенеси послеобеденную встречу на пораньше, на одиннадцать. Меньше часа, да. Попытайся собрать как можно больше народу. Но не Аллана, чего бы тебе это ни стоило.

Меньше часа? Он понятия не имел, который час, он поддакнул Ди, только чтобы ускорить процесс. Только сейчас, садясь в машину и бросив взгляд на запястье, он понял, что не надел часы. Это было очень необычно.

Когда Бергер вошел в офисную зону, побывав в так называемом медиакабинете, он увидел свои часы с немислимо большого расстояния. Они посверкивали под все еще вклю-

ченной настольной лампой. Ди руководила, что-то расставляла и сдвигала вокруг маркерной доски, Самир таскал стулья, полицейские один за другим возвращались из Мерсты. Бергер отключился от всего, отбросил мысли о кипящей во круг, но одновременно тихой деятельности и принялся рассматривать свой лежащий на бумажном носовом платке «ролекс». Казалось, количество конденсата под стеклом увеличилось, больше половины циферблата было скрыто из-за находящейся внутри влаги. Неужели он...? Бергер перетряхнул рюкзак и достал лупу. Потом нашел в ящичке стола ключоткрывалку для крышки часов, тут же приладил его к корпусу и повернул крышку. Поднес лупу к обнаженному механизму и рассмотрел двигатель. Идеально скоординированное сочетание согласно работающих маленьких шестеренок и колесиков всегда заставляло пульс Бергера биться значительно реже. Человечество ни в чем другом не подошло так близко к *perpetuum mobile*, вечному двигателю. Бесконечное волшебство автоматического подзавода часов; просто нося часы на руке и буднично двигая ею, человек заставляет механизм накапливать ту энергию, которая ему требовалась. И это оставалось идеальным механизмом, сколь бы невероятно быстро ни развивалась электроника. Человечество с его новаторской энергией никогда не подходило столь же близко к жизни.

Вместе с тем тиканье было совершенно пустым.

Вдруг что-то вторглось в этот столь же тихий, сколь и со-

вершенный звук. Еще не оторвав взгляда от «ролекса», Бергер уже знал, что это покашливание. И задолго до того, как посмотрел в карие глаза, знал, что у Ди все готово. Он осторожно перевернул часы. Стекло запотело еще больше, но верхняя треть циферблата не была затронута конденсатом, и стрелки показывали одиннадцать. Ровно.

Ди действительно удалось собрать на «послеобеденную» встречу в одиннадцать часов почти всех. Бергер оторвался от часов, выпрямился и уложил обнаженный механизм, который как ни в чем не бывало продолжал тикать, под согревающий свет лампы. Он положил лупу и ключ-открывалку в рюкзак, выудил оттуда папки и направился к маркерной доске.

Не удостоив свою собравшуюся группу взгляда, Бергер закрепил магнитами три фотографии на доске и заговорил:

– Официальная точка зрения расследования была такова: похищение Эллен Савингер считалось единичным случаем. Аллан не хотел, чтобы в работу вкрались какие-нибудь домыслы, и я могу его понять. Однако некоторым из вас известно, что я с этим не согласен. Все сделано слишком идеально, слишком профессионально, чтобы быть первой попыткой. Мне казалось, что я нашел два возможных предшествующих случая среди многих пропавших без вести в стране, но не было ни малейших доказательств или хотя бы приемлемых улик. Кроме того, что речь шла о пятнадцатилетних девушках, которые исчезли совершенно внезапно. Уже поз-

же нашлось достаточно свидетельств, позволяющих предположить, что и у Юлии Альмстрём из Вестероса, и у Юнны Эрикссон из Кристинехамна были свои тайные планы, что они сбежали вместе со своими молодыми людьми, которые по той или иной причине хотели испариться. Расследования велись месяц-другой, и в результате обеих девушек признали добровольно сбежавшими. Не исключалось, что они изменили имена и покинули страну. Дела закрыты.

– Но ничего такого нет в деле Эллен, – сказал Самир.

– Что-то случилось, – ответил Бергер. – Что-то, что заставило его изменить метод.

– Это звучит очень расплывчато – как раз то, чего терпеть не может Аллан, – сказала Ди. – Итак, ты нашел нечто, что позволило тебе рискнуть и вынести на общий суд твое тайное, неофициальное расследование. Удалось наточить зубы?

И вдобавок к этому взгляд.

Бергер не удержался и улыбнулся. Вот нахалка. Он показал на фотографии на белой доске.

– Вот здесь, дорогая Ди, мы с тобой стояли на террасе около адского дома в Мерсте сразу после штурма. Помнишь?

– Ты фотографировал? Зачем?

– Потому что у меня было какое-то странное ощущение. Не проси меня это объяснять. Интуиция – это не что иное, как концентрированный опыт.

– Древнее правило джунглей, – отрешенно пробормотала Ди.

– Но мы начнем вот откуда, – Бергер указал на довольно сумбурный снимок, где угадывалось несколько мотоциклов и кожаных курток. – За неделю до того, как было сделано это фото, пятнадцатилетняя Юлия Альмстрём пропала из своего дома в Мальмаберге на северо-востоке Вестероса. Это случилось семнадцатого марта полтора года назад. Поскольку ее исчезновение обнаружилось утром, сочли, что она сбежала из дома ночью. Такая возможность была, и со временем нашли тайную переписку с молодым человеком, который уверял, что хочет сбежать от своего преступного прошлого в «какое-нибудь место, где вечно светит солнце». Что, строго говоря, относится ко всему земному шару, иначе все мы умерли бы.

– Выяснили, кто был ее парень? – спросил кто-то.

– Нет, – ответил Бергер. – Были указания на то, что он недавно вышел из тюрьмы, и среди выпущенных на свободу по закону заключенных как минимум восемь бесследно исчезли; весьма обычное дело. Поддельные паспорта нынче легко покупаются. Следовательно, идеально выбранная маска.

– Маска? – удивилась Ди.

– Именно, – сказал Бергер и указал на нее. – Именно так должны задаваться партнером своевременные наводящие вопросы.

– Прекрати, – спокойно сказала Ди голосом человека, привычного к такому ходу событий. – Что ты имеешь в виду,

говоря о маске?

– Что юный преступник был маской, прикрытием. Что он вообще не существовал. Что вся переписка была фальшивкой. Что речь шла о театрализованном представлении, которое, надо сказать, сейчас, по прошествии времени, напоминает о том звонке, который вчера направил нас в дом в Мерсте, о звонке так называемой Лины Викстрём. *Которая стоит вот тут.*

И Бергер жирно нарисовал красным фломастером круг на расплывчатой фотографии, где компания мотоциклистов играла немалую роль.

Он огляделся. Никогда раньше он не видел в одной комнате столько наморщенных лбов.

– Но... – выговорила, наконец, Ди с отвалившейся челюстью.

– Обыск в местном мотоклубе в Вестеросе, – пояснил Бергер. – Через неделю после исчезновения Юлии Альмстрём и до того, как всплыла переписка. Были указания на то, что мотоклуб предлагает деловым партнерам «недавно прибывшее свежее мясо». Этот рейд был во многих отношениях успешным: большой запас кокаина, две несовершеннолетние украинки, всевозможные краденые вещи на три миллиона... Но ни намек на Юлию Альмстрём. Зато среди зевак снаружи – вот эта женщина. Блондинка, курносая, около тридцати пяти лет, на велосипеде.

Плотность морщин в комнате не уменьшилась, но их ли-

нии теперь пролегли иначе. Бергер ткнул в следующую фотографию.

– Вперед во времени почти на год. Теперь мы в густых вермландских лесах. Февраль этого года, леса между Кристинехамном и Карлскугой, возможно, не самые глухие места. Но пятнадцатилетняя Юнна Эрикссон, жившая в Кристинехамне, уже несколько дней как пропала без вести. Поскольку ее парень Симон Лундберг пропал одновременно с ней, расследование шло ни шатко, ни валко. Ни Юнна, ни Симон не были ангелами – двое воспитанных в детдомах подростков, которые и раньше имели привычку сбегать, а потом возвращаться, поджав хвост. И вдруг мы получаем сигнал о только что найденном захоронении в лесу, прямо на границе между ленами Вермланд и Эребру, то есть в новом полицейском регионе Бергслаген. И оба старых полицейских округа в ближайшие сутки будут стараться свалить вину друг на друга, несмотря на то, что уже больше месяца они входят в один и тот же регион. Все это выливается в полицейскую катастрофу – то, что раскопали в заснеженном лесу, оказывается не чем иным, как останками застреленного браконьерами годом ранее лосенка.

Бергер сделал паузу и оглядел подчиненных. Потом продолжил:

– Очевидно, утечки в полиции шли как сквозь сито, потому что местная пресса как минимум из двух городов была там. И на фотографиях, сделанных и прессой, и полици-

ей, видно, что там собралось больше любопытствующих, чем вчера, мокрым воскресным утром на окраине Мерсты. Видите?

Они видели. Хотя еще не совсем понимали, что именно они видят.

Бергер поднял фломастер и обвел что-то на снимке жирной линией.

– Собственная полицейская фотография, – продолжил он. – Обратите внимание на велосипед. Конечно, голова скрыта под огромной меховой шапкой, а низ лица укутан толстым шарфом. Однако – поправьте меня, если я ошибаюсь, – в толпе точно стоит, черт возьми, *та же самая женщина*. Через год. В ста шестидесяти километрах от Вестероса. С велосипедом посреди зимнего леса.

Морщинки на лице Ди разгладились, когда Бергер показал на третье фото и сказал:

– Вернемся тогда на террасу дома в Мерсте, сразу после вчерашнего штурма. Вот здесь стоит светловолосая, курносая женщина приблизительно тридцати пяти лет с велосипедом.

И его фломастер очертил еще одну окружность вокруг силуэта.

Бергер положил фломастер и покачал головой.

– Я исключал женщин, – сказал он. – Для меня было совершенно очевидно, что этот мерзавец – мужчина, одинокий неблагополучный мужчина без социальных контактов, осо-

бенно с противоположным полом. Мне кажется, в этом здании кто-то из наших старших коллег имеет обыкновение говорить, что, когда твои предрассудки рушатся, это бодрит.

– Он уже не в этом здании, – прозвучал из коридора мощный мужской голос.

Не колеблясь, Бергер встретил взгляд, в котором не отражалось никаких нормальных человеческих чувств, даже на таком расстоянии это было очевидно.

– Он в Европе, – продолжил Аллан. – В Европоле, уж не знаю, чем он может там заниматься.

– Аллан, – холодно сказал Бергер. – Как мило, что ты зашел.

– Да ты не прерывайся, – ответил Аллан. Судя по всему, он удобно устроился, прислонившись к столбу. – А остальное обсудим потом.

Бергер сделал глубокий вдох, чтобы продолжить, но вмешалась Ди:

– Все так просто? Так немыслимо, чертовски банально? Возвращение на место преступления?

– Может быть, – признал Бергер, глядя в сторону столба. – Но давайте я выступлю в роли Аллана: не будем делать поспешных выводов.

– Вроде того, что эта велосипедистка является первой в Швеции женщиной – серийной убийцей? – дерзко предположил Самир.

– Мы не знаем, какую роль она во всем этом играет, – ска-

зал Бергер, бросив угрюмый взгляд на своего самого борода-того подчиненного. – Но мы должны ее разыскать. Как я уже сказал, я предполагаю, что это она звонила, сыграв роль Лины Викстрём. Таким образом она могла оказаться на месте в нужное время. Вероятно, она направляла действия полиции и в обоих других случаях, чтобы быть там и наблюдать. Тогда, однако, ее подсказки были ложными: и насчет мотоклуба в Вестеросе, и насчет лосиной могилы в Вермланде. Теперь она начала давать верную информацию, правда, только наполовину. И это только усугубляет разочарование. Впридачу она еще и может унижить полицейских; метательный механизм – это ведь нечто абсолютно новое. Юлия и Юнна наверняка уже мертвы, но Эллен все еще жива, я в этом убежден. Что-то изменилось, и я задаюсь вопросом, что же это.

– В каком направлении нам работать? – спросила Ди.

– Что скажет начальство? – из вредности поинтересовался Бергер.

Аллан сделал жест, в котором одновременно было разрешение и приглашение, но на лице было написано нечто совсем иное.

– Я уже кое-что спешно предпринял, – наконец сказал Бергер. – Я отправил фотографии Робину, чтобы его специалисты их максимально очистили и вытащили адекватный портрет, который мы потом прогоним через все существующие программы распознавания лиц. Могут также найтись и другие снимки, вырезки из газет. И тут в дело вступает наша

очень толковая Силь.

Строгого вида женщина за сорок откашлялась и насмешливым голосом произнесла:

– Называй меня, пожалуйста, Сильвией.

– Я охотно назову тебя Герой, или Геей, или Девой Мари-ей, только найди для меня что-нибудь.

– Может, Фрейей? – мягко предложила Ди.

Бергер окинул ее очень мрачным взглядом. Ни дать ни взять одноглазое божество.

– Я нашла вот что, – холодно продолжила Силь. – Несколько имен фотографов из прессы, которые присутствовали на трех местах преступлений. Я называю их местами преступлений, потому что браконьерство – это преступление. Еще у меня есть все сделанные СМИ фотографии оттуда. И, наконец, мне удалось убедить два представленных в Мерсте телеканала не удалять лишние файлы с видеозаписями. Кроме того, ходит слух, что одна команда с телевидения была на месте, когда обыскивали мотоклуб в Вестеросе, но в эфир так ничего и не пошло. Я не успела проверить, правдив ли этот слух.

– Замечательно, – сказал Бергер. – Продолжай дальше, Силь. А вы, кто был в Мерсте, возвращайтесь туда и обходите соседей с фотографиями в руках. Вероятно, скоро эти снимки станут намного лучше, если я хоть что-то знаю о сотрудниках Робина.

– Но тогда мы ведь должны опубликовать фотографии в

прессе? – спросила Ди.

Бергер посмотрел на нее и ответил:

– Это одна из самых сложных дилемм, с которой я когда-либо сталкивался.

Он оглядел полностью избавившуюся к этому моменту от морщин аудиторию и добавил:

– Наша единственная задача, собственно говоря, – найти Эллен Савингер как можно скорее. Пока мы болтаем, она где-то переживает муки ада. Каждое слово, которое мы произносим, каждый шаг, который мы делаем не спеша, означает страдание этой невинной девочки. Все сводится к времени.

Он указал на портрет улыбающейся Эллен Савингер. Эта улыбка встречала группу каждый день уже три недели, немного сдержанная улыбка, в которой, тем не менее, угадывалось будущее с безграничными возможностями.

Рядом с портретом висели изображения одежды, которая была на Эллен в день ее исчезновения, в том числе элегантное, немного слишком летнее платье в крупный цветок.

– Вероятно, – сказал Бергер, – мы бы нашли велосипедистку быстрее, если бы все СМИ одновременно опубликовали ее портрет. Но тогда мы бы также предупредили ее. А я не хотел бы повторения Мерсты. Прямо сейчас у нас есть преимущество: мы знаем что-то, чего не знает она. И так должно оставаться как можно дольше. Пока у нас есть хоть малейшее преимущество, мы должны использовать его.

Он прервался, но было заметно, что он еще не закончил.

Бергер указал на два субъективных портрета Эрика Юханссона и прикрепил рядом увеличенную фотографию лица велосипедистки.

– У нас пока нет лучшего ее изображения, – сказал Бергер. – И мы не знаем, какие у нее с ним отношения. Она существует. А существует ли он, еще неясно.

Снова пауза. Потом он продолжил:

– Важно только одно. Мы должны найти ее.

И все же еще не все было сказано. Группа замерла, не успев встать со стульев, и уставилась на Бергера.

Он посмотрел в сторону столба и сказал очень членораздельно:

– И, дорогие коллеги, это слово, естественно, нельзя проносить, но ищем мы серийного убийцу.

Группа начала расходиться, и вдруг донесся мощный баритон.

– В мой кабинет, – сказал Аллан, не отрывая взгляда от Бергера.

Не сказать, что это было неожиданно.

Понедельник 26 октября, 11:34

Кабинеты начальников почти всегда ничем не примечательны, но Аллан, казалось, старался установить новый рекорд бездушия. На полках не было ни одной книги, только непомеченные папки с военными сокращениями на пожелтевших этикетках, ни одной фотографии на письменном столе, нигде ни малейшего намека на украшение, не было даже дипломов на стенах. Ни клюшки для гольфа, ни блесны, ни значка футбольного клуба, ни руководства по эксплуатации газонокосилки.

– Итак? – сказал Аллан, вперив в Бергера грозный взгляд.

– Я все сделал, как ты хотел, – ответил Бергер. – В точности. Не говорить ничего, пока у меня не будет доказательств. Если велосипедистка не доказательство связи между этими тремя случаями, то слова «доказательство» просто не существует.

– А потом ты произнес слово на «С».

– Перед коллегами, не журналистами. Они обязаны так же строго соблюдать служебную тайну, как ты и я.

– Но в случае чего они меньше теряют.

– Мне есть что терять, но я не уверен, что так уж много, – сказал Бергер. – Стильное наименование «инспектор уголов-

ной полиции с особыми полномочиями»?

– Твою жизнь, – ответил Аллан.

– Мою жизнь? И это говоришь мне ты, Аллан, сидя в этом вот безжизненном кабинете, который является центром твоей вселенной?

– А как выглядит твое рабочее место?

– У меня нет стен, которые я мог бы оживить.

– Впрочем, у тебя же есть фото в рамке, я знаю, оно очень уютно смотрится в твоём углу. На нем ведь Триумфальная арка? L’Arc de Triomphe?

– Прекрати, – сказал Бергер.

– Они больше не часть твоей жизни. Они далеко. Твоя жизнь сейчас здесь. И только здесь. И ты не хочешь ее потерять.

– Что ты всем этим хочешь сказать, Аллан?

– Как известно, я скоро выйду на пенсию. И я рассчитываю, что ты займешь мое место. Тебе *есть* что терять, Сэм. И тебе *не следовало* говорить те слова. Только из-за того, что ты их произнес, мы в ближайшие дни прочтем об этом в газетах.

– Три пропавших девочки пятнадцати лет. Две из них исчезли больше года назад. Это серийный убийца, уверяю тебя, серийный убийца, который почему-то специализируется на пятнадцатилетних девочках.

Аллан не отрываясь смотрел на Бергера. Потом повернулся и выдернул лист бумаги из стопки на столе.

– Ножи, – сказал он, сопроводив это жестом, который трудно было понять. – По мнению Робина, самодельные. Национальному экспертно-криминалистическому центру, нашему дорогому НЭКЦ, пришлось сделать нечто необычное, а именно металлургическое исследование. Литье железа дома – такая редкость, что какой-нибудь из этапов процесса, вероятно, можно отследить.

– Возможно, еще и само умение, – сказал Бергер. – Откуда, черт возьми, он знает, как отливать ножи, так что они лежат прямо, а не крутятся? Резонно предположить, что у него техническое образование.

– Такое исследование тоже проводится, – заверил Аллан. – Робин вообще развил очень бурную деятельность, у него составлен целый список, озаглавленный «Работа над ошибками». Тебе это о чем-то говорит?

– Нет, – как ни в чем не бывало ответил Бергер.

– В списке значатся: ножи, механизм ловушки, кольца для троса, новая стена, пылесос, лабиринт.

– А токсикологическая экспертиза?

– Я еще не добрался до отчета Судебно-медицинского управления. Я хотел бы сначала пункт за пунктом просмотреть список Робина, если ты не возражаешь. И должен сказать, что пункт после ножей – механизм ловушки – сформулирован иронично. Тебе не кажется, Сэм?

– Без понятия. А лабиринт?

– Так вот что тебя интересует? – пренебрежительно сказал

Аллан. – Имей терпение; мы пройдемся по всему списку по порядку. Итак, механизм ловушки.

В этот момент мобильный Бергера проявил хороший вкус и сыграл роль будильника. Хотя, собственно говоря, это завопил сигнал вызова. Без особой спешки Бергер достал телефон из кармана пиджака и, пока тот визжал, как умирающая свинья, сказал:

– Я должен ответить.

Под истеричное хрюканье он смотрел, как Аллан в конце концов делает нетерпеливый, но в то же время и одобрительный жест. Бергер ответил, назвав свое имя, но больше не произнес ни слова за все время разговора. Потом он просто встал, положил телефон во внутренний карман и сказал:

– Нам придется продолжить в другой раз, Аллан.

С совершенно невозмутимым видом Бергер вышел из кабинета и старался неспешно идти по коридору, пока не убедился, что находится вне поля зрения Аллана. Тогда он прибавил шаг.

Бергер бегом спускался по лестницам и проносился по коридорам. Миновав еще пару лестниц и проходов, он добрался до двери без таблички и дернул за ручку. В разных концах небольшого помещения за голыми письменными столами в окружении книжных шкафов сидели трое мужчин. Все подняли взгляды на ворвавшегося к ним Бергера, хотя без малейшего намека на интерес. Он метнулся дальше, к нескольким дверям в глубине комнаты и распахнул левую. Строгая

женщина лет сорока с небольшим оторвалась от целого леса из компьютеров и повернулась в его сторону. Вид у нее был не такой суровый, как обычно, и мышинного цвета волосы были взъерошены.

– Силь, – выдохнул запыхавшийся Бергер.

– Сам Сэм? – холодно сказала Силь.

– Давай же, рассказывай!

– Вестерос, – начала Силь и махнула рукой в сторону ближайшего монитора. – Мотоклуб. Местное телевидение действительно было там, но репортажу пришлось уступить место в эфире спортивным новостям. Очевидно, хоккей. Материал не сохранился, но оператор нашел диск с бэкапом. На нем есть несколько несмонтированных записей.

– Ты сказала, тебе есть что показать, – коротко прокомментировал Бергер.

Силь смотрела на него взглядом, находясь под которым было не слишком уютно. Потом она кликнула мышкой, и на экране появилось сильно дрожащее изображение.

В первую очередь в глаза бросались зимний пейзаж и несколько одетых в кожаные жилеты тучных мужчин, прижатых к земле полицейскими: как минимум по двое полицейских на каждого члена банды. Из среднего среди пяти слабо различимых зданий выводили бледную, истощенную совсем юную девочку, закутанную в одеяло. Пока она приближалась к камере, Силь пояснила:

– Оксана Хаванска, четырнадцати лет. Потом получила в

Швеции убежище. Говорят, что живет в Фалуне с новыми документами, учится в шведской школе. А вот *сейчас* смотри.

Камера развернулась, и перед объективом промелькнули люди по другую сторону ограждения, а потом появилось изображение молодого человека с микрофоном, который пытался поймать людей для интервью. После явно неудачной попытки заговорить с полицейским чином, решительно сунувшим микрофон в рот репортеру, он в растерянности обернулся к любопытствующим зрителям. Силь ускорила запись, на которой зеваки торопливо проговаривали в забрызганный слюной микрофон одну-другую бессмысленную реплику, но звук при этом отключился. Когда камера описала полукруг, в объектив попал велосипед.

Пока в кадре было только одно колесо, Силь переключила просмотр на нормальную скорость. Звук вернулся. Голос репортера звучал невротически.

– А как вы оказались здесь? – спросил он, пока оператор пытался навести резкость, снимая колесо велосипеда. Наконец, ему это удалось, и он поднял камеру.

Это была она. Велосипедистка. Простая возможность наблюдать, как движутся мышцы ее лица, вызывала невероятные ощущения.

Как будто она только сейчас обрела реальность.

А с мускулатурой лица в самом деле происходило немало. Как будто она отражала крайне сложный мыслительный

процесс. Ее торс уже подался назад, готовясь уехать на велосипеде прочь. Но вдруг язык тела полностью изменился, и женщина ответила:

– Я просто случайно ехала мимо.

«Неожиданно низкий голос», – подумал Бергер и переключил внимание на лицо.

– И что вы об этом думаете? – запальчиво спросил репортер.

– О чем именно я должна что-то думать?

– О полицейской операции против банды мотоциклистов.

Женщина махнула рукой куда-то за плечо репортера и сказала:

– Они явно вызволили кого-то, кто был похищен. Это очень хорошо.

Бергера удивила сила посетившей его мысли: «Тебя бы ко мне в комнату для допросов».

– Спасибо, – сказал репортер, судя по всему, искренне. – Как вас зовут?

Бергер похолодел. Впился взглядом в экран.

Снова игра мимики. По похожей на предыдущую схеме. Потом женщина ответила:

– Натали Фреден, но вы же не собираетесь показывать эту чушь по телевизору?

– Пауза, – тут же произнес Бергер.

Краем глаза он видел, что лицо Силь на десяток сантиметров приблизилось к экрану. Как и его собственное.

– Что скажешь? – спросил он.

– О чем? – спросила Силь, не отрывая взгляд от монитора.

– Что это было?

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Да ну же. Что она только что сделала?

Бергеру пришлось признать, что Силь не Ди. Очень умелая, когда речь идет об архивах, но не так хороша как аналитик. Он ценил Силь – они вместе учились в Высшей школе полиции, она единственная до сих пор позволяла себе обращаться к нему фамильярно, она была звездой, когда речь заходила о компьютерах, о том, чтобы искать и находить вещи, у нее острый ум в ее области, – но вдруг Бергер ощутил, что ему не хватает взгляда Ди.

«Микрометеорология», – вспомнил он и усмехнулся.

Силь смотрела на него скептически. Он сказал:

– Реплика звучала так: «Натали Фреден, но вы же не собираетесь показывать эту чушь по телевизору?» Что это было?

Силь напряженно моргнула пару раз и ответила:

– Полагаю, ты хочешь знать, нашла ли я какую-нибудь Натали Фреден?

– Безусловно. Как можно скорее. Но сначала именно вот это вот.

Он увидел, как у Силь напряглась шея. Наконец, она произнесла:

– Выглядит так, словно она задумалась, прежде чем сказать свое имя. И еще она задумалась, прежде чем начать от-

вечать.

– И она называет имя, которое, может быть, совсем не ее, – сказал Бергер. – Но потом?

– О'кей. Она называет свое имя и потом очень быстро добавляет, что эту чушь не стоит показывать по телевизору. Что-то вроде того.

– Почему?

– Нет, я не знаю. Почему?

– Потому что она хочет быть уверена, что это не покажут по телевизору. Но вместе с тем она называет имя. Для кого?

– Только не преувеличивай, – сказала Силь. – Поскольку она назвала имя, оно очень легко может оказаться в эфире. Хотя бы в виде текста. Внизу экрана, чтобы представить говорящего. В тот раз передача не вышла, вместо нее был хоккей, но женщина не могла этого знать. Если она не хотела, чтобы ее имя прозвучало по телевизору, она могла бы его просто не называть.

– Ты права, – задумчиво проговорил Бергер. – Несомненно, это рискованно. В то же время решение назваться она приняла сознательно. Почему?

– Черт, Сэмми, – воскликнула Силь. – Прошло почти два года. *Она говорит не с тобой.*

Бергер почувствовал, что, как ни странно, краснеет.

– Я имел в виду не себя, я имел в виду полицию в целом. Но хорошо, на этот вопрос можно поискать ответ позже. Итак, ты нашла человека с довольно необычным именем

Натали Фреден?

– Таких в Швеции немного. Это Вестерос. Ты хочешь отталкиваться от Вестероса, нам принять его за точку отсчета? Она сама оттуда и потом расширяет свое поле действий?

– Не знаю, – признался Бергер. – Я даже не уверен, что Юлия Альмстрём – первая жертва. В Вестеросе есть хоть одна Натали Фреден?

– Нет. Только в Стокгольме.

– Одна-единственная?

– Три. Одна – грудной ребенок в Фарсте. Другая ходит в четвертый класс в школе в Альвике. Третьей тридцать шесть лет, и она живет около площади Уденплан.

– Черт возьми, – сказал Бергер. – Что еще?

– Больше почти ничего, я не все успела. Но о ней и информации мало. Квартира на некой улице Видаргатан. Установить слежку?

– Немедленно. И напиши мне все, что удалось о ней узнать. Паспорт? Водительские права? Идентификационный номер?

– Я пришлю по мейлу все, что знаю. Но у меня нет ничего из вышеперечисленного.

– Нам придется устроить глобальный поиск, – сказал Бергер, уходя. Через пару секунд он снова просунул голову в закуток Силь и добавил: – Спасибо.

Потом время проявилось в двух следующих друг за другом формах. Сначала все развивалось быстро и непонятно, так быстро, что почти невозможно было за всем уследить. Бергер стоял у доски, и все больше и больше людей подбегали к нему, сообщали свежие данные и убегали за новой порцией. Он пытался суммировать информацию, насколько это было возможно на старомодной доске, прикрепляя магнитами записки и рисуя стрелки и линии.

Ни паспорта, ни водительских прав, никаких фотографий, кроме уже имеющихся. Но в контракте на квартиру на Видаргатан указан идентификационный номер. И есть план этой квартиры.

– Кажется, она не очень дружит с технологиями, – сказала Ди. – Ни фейсбука, ни твиттера, ни инстаграма, по крайней мере не под этим именем. Никакого легко вычислимого адреса электронной почты. Ни блога, ни собственного сайта.

– Такое вообще возможно в наше время? – спросил Бергер.

Подошел Самир, почесал бороду.

– Декларации, – сказал он, помахав бумагами.

– Хорошо. Есть место работы?

– Нет, в декларациях указаны только небольшие суммы в последние четыре года. До этого вообще никаких деклара-

ций.

– Небольшие суммы?

– Из разных мест, и всегда не больше двадцати-тридцати тысяч крон. Я попытался разыскать пару работодателей, но пока не получил ответа.

– О какой работе идет речь?

– Непонятно. Возможно, услуги офисам. Может быть, уборка. Не получается установить. Предприятие по лизингу персонала.

– Продолжай, – сказал Бергер, закрепляя декларации на доске. Он не отрывал от них взгляда, изучая педантичную подпись, которую явно можно было расшифровать как «Натали Фреден».

– Отчет с Видаргатан, – произнес голос за спиной у Бергера. Он обернулся и увидел молодого опера, чье имя вылетело у него из головы.

– И что там?

– В квартире никого, – ответил молодой человек, в то время как Бергер все еще пытался нащупать в памяти его имя.

– Только не говори, что какой-то идиот пошел туда и позвонил.

– Внешнее прослушивание и тому подобное. И посменное наружное наблюдение. Фотографируем входящих и выходящих.

– Спасибо, – сказал Бергер и, когда тот уже направился к выходу, добавил: – Спасибо, Раймонд.

Бергер повернулся к доске и задумался о двух моментах. Во-первых, что в данном контексте означало «и тому подобное», и во-вторых, где, собственно говоря, находится Видаргатан. В итоге он просто стоял и пялился на ничем не заполненный участок белой доски. Потом снова обернулся.

– Черт побери! – заорал он в направлении офисной зоны. – У нас есть идентификационный номер, должна же быть возможность узнать больше. И быстрее. Если она не работает, откуда у нее средства на квартиру около Уденплана? Банковские счета? Почему до тридцати с чем-то лет она не зарабатывала денег? Сидела дома? В клинике? В тюрьме? Дайте мне хоть что-нибудь!

– В базе данных информация о судимости отсутствует, – донесся откуда-то голос Ди. – Но это ты уже знаешь.

Вдруг рядом возникла Майя, высокая и статная, и сказала с присущей ей невозмутимостью:

– Семейное положение Натали Фреден указано как «не замужем», она родилась в Умео тридцать шесть лет назад. Родителей звали Йон и Эрика, оба уже умерли. Однако мне удалось отыскать кое-что в тамошней Марихемской средней школе. Они сейчас раскапывают данные, которые у них сохранились. Включая классные фотографии. Судя по всему, Натали училась там только до третьего класса включительно.

– И чем же, черт возьми, нам могло бы помочь фото третьего класса? – закричал Бергер.

Ди подошла к Майе, рядом с которой она выглядела еще

меньше, чем обычно.

– Ты говоришь, как Аллан, – сказала она и окинула его своим самым невинным – то есть недобрым – взглядом.

Глядя на нее, Бергер сделал пару глубоких вдохов через нос.

– Йоговское дыхание, – констатировала Ди.

– Понимаю, – сказал, наконец, Бергер. – Мы можем убедиться, действительно ли это она.

– В биографии Натали Фреден есть явные пробелы, – спокойно сказала Майя. – Было бы хорошо, если бы мы хотя бы смогли убедиться, что это тот же человек. А может быть, еще лучше, если это не тот же.

– Хорошо, – кивнул Бергер. – Я прошу прощения. Продолжай этим заниматься.

Майя вернулась на свое место, Самир снова подошел и встал рядом с Ди. Казалось, он ждет своей очереди, так что первой заговорила она.

– Возможно, я нашла ее страницу в Фейсбуке. Имя указано как Н. Фреден. Нет ни записей, ни друзей. Вероятно, она ей не пользуется. Но при регистрации были указаны и номер мобильного, и мейл. Я позвонила по этому номеру, но он не зарегистрирован в сети.

– Все равно наведи о нем справки, – сказал Бергер. – А что адрес?

– Перенаправила запрос в техотдел.

– Молодец, Ди. Продолжай искать. Самир?

– Первый разговор с предприятием по лизингу персонала, где Натали Фреден работала три года назад. Она есть в их базе, но никто ее не помнит. Она занимала должность офис-менеджера в уже закрывшейся фирме, занимавшейся прокатом автомобилей в Ульвсунде.

– Хм. Явные белые пятна в биографии Натали Фреден станут еще более явными. Продолжай работать. Найди тех, кто тогда работал в этой фирме.

Самир резко развернулся и возвратился на свое рабочее место.

Возникла неожиданная пауза. Бергер не отрывал взгляда от доски. Прежде всего, от пустых мест в схеме.

– Вероятно, она мало времени провела в Швеции, – сказала Ди.

Бергер совсем забыл, что она стоит рядом.

– Может быть, – сказал он.

– Однако у нее шведский номер мобильного, и она явно бывала в Швеции в течение последних...

– Трех лет, – закончил Бергер.

– Но возможно, что не ранее.

– Возможно, – согласился он.

Тут снова подошла Майя. Она без слов протянула ему лист бумаги. Это была бледная цветная фотография – лицо, явно вырезанное из коллективного снимка. Очень юное лицо.

– Нос немного курносый, – сказала Ди.

– И блондинка, – добавила Майя. – Это может быть она.

– Третий класс, – возразил Бергер. – Третий. Сколько им? Девять лет, десять? Что происходит с людьми в подростковом возрасте? Некоторые выглядят очень похожими на себя в детстве, а другие меняются в корне. К какой группе принадлежит Натали Фреден?

Они стояли втроем и смотрели на школьное фото, которое Бергер поместил между двумя наиболее четкими изображениями лица велосипедистки.

– Возможно, – сказала, наконец, Ди.

– Хороший вывод, – кивнул Бергер. – Возможно, и не более того. Поэтому по существу это бессмысленно. Ни правда, ни ложь. Я бы предпочел, чтобы девятилетнюю Натали Фреден удочерили, привезя из Биафры.

– Из Биафры? – переспросила Ди.

В этот момент Бергер впервые за очень долгое время бросил взгляд в окно. Снова шел дождь, тяжелые, хлесткие капли заливали стекло. И в тот же момент время приняло свою вторую форму. Скорость уступила место медлительности. Ни один из возможных путей не вел далее, все остановилось и топталось на одном месте. Выяснилось, что среди работодателей Натали Фреден были только предприятия по лизингу персонала и что ее профессиональная деятельность в Швеции, кажется, началась четыре года назад. Однако было нереально получить более подробную информацию от этих фирм, поскольку они принципиально не входили в личный

контакт со своими сотрудниками. И с адресом «Н. Фреден» ничего не выяснилось, равно как и с закрытой фирмой в Ульвсунде, занимавшейся прокатом машин. Никаких банковских счетов и ничего подобного не нашлось. И не выявилось ни одного человека во всей вселенной, который мог бы сталкиваться с Натали Фреден хоть раз во время ее тридцатилетнего жизненного пути. Ни одноклассников, ни соседей, ни коллег, ни друзей.

В конце концов терпение Бергера лопнуло. Идя к выходу, он услышал, как Ди очень осторожно поинтересовалась:

– Стоматолог?

Бергер повернулся, махнув рукой в сторону доски, и сказал:

– Ты можешь меня так и называть. До полного комплекта еще далеко, и дыр полно.

Понедельник 26 октября, 18:47

Уже давно спустились сумерки, но дождь так и не прекратился.

В пустом переулке светили два уличных фонаря. Оба болтались на казавшихся смертельно опасными проводах, тянувшихся через улицу от фасада к фасаду, и в дрожащих конусах света вечер демонстрировал свой истинный характер. Чуть дальше от этих едва освещенных пятен уже было не разглядеть, насколько силен дождь, но даже в темноте это и чувствовалось, и, конечно, слышалось. Вода барабанила по крышам машин, припаркованных вдоль проулка, и извлекала звуки разной тональности, казалось, особенно усердствуя на синем «вольво». Шум дождя перекрывался тяжелым металлом. В целом оба мужчины, сидящие в машине, не были готовы к такому стуку.

Бергер ясно видел, как руки мужчин начали ощупывать слишком тщательно застегнутые куртки. С другой стороны, он их искренне понимал; он отсидел свое в машинах наружного наблюдения, и до сих пор в памяти глубже всего сидела не скука, не усталость, не голод, не позывы к мочеиспусканию, даже не запахи, а холод.

– Уменьшите громкость, – сказал Бергер в приоткрытое

окно. — Музыка слышна на тротуаре.

— Сэм, — без энтузиазма признал его мужчина постарше и прикрутил ручку громкости демонстративно медленно.

— Признаки жизни? — спросил Бергер.

— Это действительно то, что я думаю? — спросил в ответ мужчина. — Ты хоть представляешь, как нелепо выглядит полицейский с зонтом?

— Признаки жизни? — повторил Бергер из-под своего зонта.

— Тогда бы мы с вами связались.

— Вы фотографировали всех, кто входил и выходил?

В ответ мужчина помоложе на пассажирском месте поднял непропорционально огромную фотокамеру.

— Много народу? — продолжил Бергер.

— Не то чтобы, — ответил тот, что постарше. — С десяток с тех пор, как мы заступили.

— Видно и тех, кто в доме, — добавил второй и показал рукой. — Через окна лестничных площадок.

Бергер кивнул и сказал:

— Если она появится в ближайшие полчаса, пропустите и не отчитывайтесь. Проследите за ней на лестнице, но не вмешивайтесь, если ситуация не покажется критической. Понятно?

Тот, что постарше, поднял левую бровь и сказал:

— Из этого я делаю вывод, что ты...

— Понятно?

– Понятно.

Зонтик сломало ветром, пока Бергер пересекал Видаргтан. Он оставил обломки на тротуаре, подошел к скромному подъезду, набрал код, поднялся и остановился у пока нетронутой двери в квартиру.

Это было осознанное решение полиции, принятое, вероятно, Алланом: не вторгаться в квартиру, где могли быть ловушки. Или хотя бы сигнализация. Видеонаблюдение. Обыск в квартире был признан слишком рискованным, так как это могло послужить предупреждением для Натали Фреден, из-за чего она, возможно, исчезла бы так же бесследно, как по большому счету ее личность в прошлом.

Бергер посмотрел на клинкерную плитку под ногами. На полу виднелось несколько мокрых следов, а вокруг его ботинок начала уже образовываться небольшая лужица. Эти следы останутся еще долго.

Все говорило против проникновения в квартиру.

Не в последнюю очередь и то, что слова Аллана больше не будут восприниматься как шутка. Если Бергер каким-то образом предупредит Натали Фреден, его действительно уволят.

И все же отмычка у него в руках.

И все же она оказалась в замке.

Бергер тщательно осмотрел весь зазор между дверью и притолокой. Ничего не бросалось в глаза, во всяком случае ничего очевидного и классического вроде волоса или вло-

женного кусочка бумаги, ничего такого, что помешало бы ему войти внутрь.

Бергер подумал еще раз. Как следует подумал.

Даже если внешнее наблюдение отрицало возможность нахождения Эллен Савингер за этой дверью, микроскопический шанс, что она здесь, все же был. Бергер просто был не в состоянии ждать дольше. Весь его организм восставал против ожидания.

Он оставил отмычку в замке и пошел выглянуть через окно лестничной площадки. Естественно, вид открывался прямо на машину наблюдения. Бергер поднял руку, молодой полицейский в машине поднял в ответ большую камеру. Бергер подался назад. Пятно от слабого уличного освещения на секунду отразилось в черных струйках, бешено бегущих по стеклу, чтобы поскорее оказаться на Видаргатан.

Мысленно он снова оказался под дождем. Он стоял за развалинами дома поливаемый ливнем, деревянная стена за его спиной была настолько гнилой, что казалась пористой. Полицейские исчезали один за другим в пелене дождя, и серое варево поглощало их. Он тоже двинулся вперед, слыша позади всхлипывания Ди. Адский дом был неразличим.

Вполне возможно, что ад ждет также и за этой непритязательной дверью.

Бергер был вынужден к этому подготовиться. Морально, физически, профессионально. Озарение пришло, как шок. Он уже так давно потерял чувство скорости.

Он посмотрел на свою руку, которая неподвижно лежала на отмычке. Хотя уже не неподвижно. Она двигалась. Как будто она только отчасти принадлежала ему. Его рука была маленьким грызуном, новорожденным кроликом, совершенно розовым и дрожащим, уже готовым к роли потенциальной добычи.

Раны на костяшках правой руки снова открылись. Его внутренний мир был открыт внешнему миру.

Дождь стучал в угольно-черное окно.

Регулируемый таймером свет выключился. Характер лестничной площадки изменился. Нового сорта темнота укрыла такую уютную прежде лестницу. Бергер находился в другой вселенной, настоящей вселенной, где правила тьма. Любой свет – иллюзия, утешительный покров из лжи, чтобы мы могли выживать, чтобы находили силы стать взрослыми. Бергер находился сейчас в другой эре, где все еще царило варварство, где химера цивилизации еще не появилась.

Он был в мире первозданной жестокости.

И выбраться оттуда было невозможно.

В темноте он видел подсвеченный красным светом выключатель. До него было всего несколько метров, на вид легко дотянуться. Надо только вынуть из замка отмычку, зажечь свет и снова выйти на Видаргатан. За углом толпы людей снуют под искусственным светом Уденплана. До них всего полминуты.

И все же не так. Они скорее на другом конце вселенной.

В миллиардах световых лет отсюда.

А Бергер здесь. В плену у темноты. Заколдованный темнотой.

Он услышал щелчок, когда отмычка сработала. Достал пистолет, поднял фонарик и открыл дверь.

Пространство квартиры засасывало в себя, как будто давление внутри было ниже, чем в окружающем мире. И царила полная темнота.

Бергер посветил внутрь, прислушался. Ни звука, да, собственно говоря, и не видно ни зги. Никакого запаха. И никакой ловушки. Удивительная пустота. Две комнаты и кухня. Бергер прошелся по ним. Заглянул в санузел. Чисто, но необустроено. Белоснежный унитаз. Зубной щетки нет. Кухня такая же чистая, но в мойке стоит кофейная кружка с основательно засохшим осадком. Посудомоечная машина пуста. Спальня. Постель застелена, но нет ни покрывала, ни одеяла. В это время года одеяло определенно нужно. Наконец гостиная. На плоском телевизоре нет ни пылинки. Пульт управления аккуратно лежит на предназначенном для него месте на столике. Старая стереоустановка. Плеер для компакт-дисков. Когда бишь ими перестали пользоваться? Кожаный диван жесткий, как будто на нем никогда не сидели. Бергер понюхал подушки и тщательно свернутый плед. Они пахли скорее фабрикой, чем человеком. И заголовки стоящих на полках книг были безликими на грани абсурда: путеводители, мировые бестселлеры – ничего такого, что могло

бы намекнуть на личный вкус.

Осмотрев все помещения, Бергер стал шарить фонарем вдоль стен. Он искал две вещи: признаки сигнализации или видеонаблюдения, а также отличия в цвете. Не было ничего. Во всяком случае, в приглушенном свете карманного фонаря. Все выглядело слишком нормально. Чашка из-под кофе в раковине была единственным предметом, выдававшим человеческое присутствие.

Это беспокоило Бергера. Обстановка указывала на аскетизм, который в свою очередь указывал на зацикленность, на задачу, которая была важнее жизни. Нельзя было даже сказать, что жизнь обитателя квартиры представляет собой «то, что происходит с человеком, пока он строит планы». У него просто не было никакой жизни. Во всяком случае не в этой квартире.

Он достал из кармана план помещения. Прошелся по ней, пытаясь сопоставить с ним все внешние и внутренние стены. Это удалось ему довольно быстро. Если Натали Фреден не прибрала к рукам какую-нибудь из соседних квартир, потайных помещений здесь не было. Никаких лабиринтов.

Бергер надел резиновые перчатки и вернулся в ванную. Провел рукой вдоль плинтуса и обнаружил довольно много пыли. Потом снова заглянул за занавеску, скрывавшую ванну. Обычная ванна. Лейка душа установлена так низко, что ему бы только намочила грудную клетку, не выше. Ни шампуня, ни геля для душа. И опять-таки: никакой зубной щет-

ки.

Люди не живут в местах, где у них нет зубной щетки. Это означает, что человек либо уехал, взяв ее с собой, либо живет в другом месте. Как правило, у партнера.

Имеется, черт подери, другое место.

Может быть, даже партнер...

Всё, хватит. Больше искать нечего. Никаких тайных уголков. Ничего, что не лежало бы на поверхности. Во всяком случае, ничего такого, что можно было бы разузнать в отсутствие человека.

Бергер сел за кухонный стол, так что одновременно видел и прихожую с входной дверью, и окно, выходящее во внутренний двор. Штормовой ветер раскачивал ветви еле видной в темноте осины, на которой осталось всего несколько пожелтевших листьев, но всё заглушали барабанные дробы дождя. Бергер поставил фонарик так, что он светил прямо в потолок, и положил перед собой на стол служебное оружие. Он провел пальцем в перчатке по гладкой деревянной поверхности и понюхал его. Наконец-то, какой-то запах: собственно, запах пластиковой перчатки. Ничего другого.

Он продолжал сидеть там под зонтиком, образованным слабым светом фонарика. Может быть, он думал. Может быть, просто убивал время. Хотя он время от времени поглядывал на свой «ролекс», оставалось неясным, сколько времени прошло. Даже если бы он на самом деле попытался рассмотреть, который час, ему бы не удалось – к этому моменту

стекло почти полностью запотело.

Бергер почти никак не отреагировал на шаги на лестничной клетке; вероятность, что это окажется Натали Фреден, была нулевой. Она ускользнула, и вся эта колготня была напрасна.

Он хотел бы заплакать.

Хотел бы вспомнить, как это делается.

Пятнадцатилетняя Эллен Савингер погибла.

Шаги приблизились к двери. В своем воображении Бергер слышал, как они удаляются в направлении следующего этажа. Как надежда, которая мелькнула и так же быстро пропала, немедленно забытая, оставив после себя только гулкое эхо в пустоте.

Но его воображение, как ни крути, не было его слухом.

Когда ключ вставили в замок, Бергер еще витал в своих мыслях.

Он едва успел выключить фонарик, как дверь открылась. Внутри скользнула фигура темнее тьмы, но через пару секунд она дотянулась до выключателя, и резкий свет ослепил привыкшего к темноте Бергера.

Женщина, одетая в грязно-белый плащ, прищурилась, глядя в сторону кухни, как будто угадывала что-то, чего не видела. Когда она чуть-чуть повернулась в сторону, стал ясно виден курносый нос.

Бергер схватил пистолет и рывкнул:

– Натали Фреден! Руки на голову.

Она вздрогнула. И все же *она вздрогнула не по-настоящему*. Бергеру ни за что не удалось бы всерьез проанализировать это ощущение.

Когда она положила ладони на голову, он взял мобильный телефон и сделал снимок. Даже не очень понимая зачем.

– Кто вы? – спросила женщина неожиданно низким голосом.

– Стоматолог, – ответил Бергер.

Тут ворвались полицейские из наружного наблюдения с пистолетами наготове. Более молодой повалил Натали Фреден на пол. Тот, что постарше, сразу обыскал ее.

Бергер видел происходящее в зеркальном отражении. Он смотрел в кухонное окно. Звуки исчезли, он не слышал ни слова из того, что выкрикивали в прихожей полицейские. Зато был слышен странный шелест. Он доносился от осины во внутреннем дворе. Бергер смотрел на редкую листву. Они дрожали. Листья осины сильно дрожали на ветру, и их шелестящая песня проникала в его слуховой канал.

Как будто хотел войти кто-то из другого времени.

Бергер отвернулся от окна. Возвратился из потустороннего мира. У него в голове вертелось одно слово. Микрометеорология. Он встретил прозрачно-ясный взгляд лежащей на полу Натали Фреден. И сказал:

– Какая вы сухая.

Они долго бежали от автобусной остановки, сначала вдоль пустеющей дороги, потом через луг с непомерно высокой травой, которая начинает редеть, так что вдалеке начинает угадываться блеск воды. Он задыхается, приближаясь к белокурой голове впереди, которая замедляет движение.

Второй оборачивается, и копна волос ложится на плечи, сквозь нее пробивается свет, такой яркий, что вся фигура кажется окруженной огромным нимбом. Это делает лицо еще более странным. Он никогда не переставал поражаться, и ему никогда не удастся перестать поражаться.

Они стоят лицом к лицу и быстро обнимаются, запыхавшиеся, задыхающиеся. Он наклоняется к коленям, едва в состоянии вдохнуть, но ему пятнадцать лет, и дыхание быстро восстанавливается. Когда он снова поднимает глаза, когда перед ними появляется что-то, кроме зеленой травы, он видит, что второй исчез в рощице на краю берега, где, как он знает, стоит лодочный дом, зелено-коричневый, уродливый и совершенно невероятный.

Он спотыкаясь идет туда, слышит вдалеке крики чаек, ощущает, как его окутывает морской воздух, смешиваясь с запахом травы. В нем чувствуется примесь гниения.

Он добирается до рощицы, продирается сквозь густую

растительность, и вот перед ним он — большой лодочный дом. Одной стороной он выдается в море, и именно там находится дверь, за которой исчезает светлая копна волос. Сам он направляется в другую сторону, взбирается на вечно скользкий камень, чтобы заглянуть в окно, очень высокое из-за того, что дом стоит на небольших столбах, поднимающих его над землей.

Ногам сложно найти опору. Мох соскальзывает с камня, и ноги следом за ним. Наконец, ему удастся встать. Наконец, он стоит неподвижно.

Трудно разглядеть что-то внутри. В доме совсем темно, и оконное стекло очень грязное. Он не видит абсолютно ничего. Но все же он добивается своего. Его потная рука медленно, но верно очищает на стекле небольшой глазок. В конце концов ему удастся заглянуть внутрь.

И тогда время останавливается.

Именно тогда оно останавливается всерьез.

II

10

Понедельник 26 октября, 22:06

Бергер вошел в комнату. Дверь за ним закрылась. Вокруг все было безлико, как в больнице. Обои на стенах не говорили совершенно ни о чем, как и пустой стол из березовой фанеры. На небольшом столике рядом стояло неопознаваемое электронное устройство. В комнате ни одного окна, зато два стула. Один из них пустовал.

На другом сидела Натали Фреден.

На ней была та же самая простая и немного похожая на спортивную одежда, что в квартире на Видаргатан, за вычетом грязно-белого плаща. Ее светло-голубые глаза следили за Бергером, пока он шел от двери ко второму стулу. Он сел и посмотрел на нее. Прошло всего несколько часов с того момента, как он видел ее в последний раз. С тех пор к делу подключился прокурор, начавший предварительное следствие.

Не произнося ни слова, Бергер достал из рюкзака несколько предметов. Три толстые папки, ноутбук и мобильный телефон. Он открыл одну из папок и сказал, перебирая бумаги: – Я знаю, что вы представляете собой что-то вроде загад-

ки, и в обычное время это, возможно, вызвало бы у меня интерес. Но сейчас мне на вас совершенно плевать. Важно только это.

И он положил перед ней фотографию. На ней пятнадцатилетняя Эллен Савингер смотрела в объектив с улыбкой, в которой угадывалось будущее с безграничными возможностями.

Бергер наблюдал за Натали Фреден. Когда она взглянула на снимок, выражение лица у нее не изменилось. В лице вообще не изменилось ничего, хотя раньше оно казалось очень выразительным.

– Только это, – пояснил он.

Она продолжала просто смотреть на фото.

– Я правильно вас понял? – продолжил он. – Вы отказались от адвоката?

– Я даже не знаю, почему я здесь, – ответила Фреден своим низким тягучим голосом. – Тем более, зачем мне нужен адвокат.

– Это значит «да»?

– Да.

Бергер глубоко вдохнул и повернулся к устройству на маленьком столике.

– Красная лампочка, – сказал и показал он. – Когда она загорается, начинается аудио- и видеозапись. Тогда все становится официальным и сохраняется. Сейчас лампочка не горит. Хотите что-нибудь сказать мне и только мне, пока мы

не перешли к формальному допросу? Тет-а-тет?

– Что ваш телефон все записывает, – ответила Натали Фреден.

Мобильный лежал на столе экраном вниз. В нем ничего не светилось, не издавало звуков. Бергер слабо улыбнулся и нажал на записывающем устройстве на кнопку записи. Зажглась красная лампочка.

Он назвал дату. Сказал, где они находятся. Перечислил присутствующих. Затем обратился к сидящей перед ним женщине:

– Вы, Натали Фреден, в первую очередь, подозреваетесь в сокрытии информации, касающейся похищения Эллен Савингер, пятнадцати лет. Сейчас я предъявил вам обвинение. Вы понимаете, в чем подозреваетесь?

– Да. Хотя понятия не имею, какое это имеет ко мне отношение.

Бергер разложил перед ней на столе три фотографии. Две представляли собой увеличенные и обработанные кадры с его собственного мобильного, сделанные с террасы в Мерсте. Третья была взята из материалов прессы, добытых Силь. На ней Натали Фреден было видно еще лучше. Даже марка велосипеда определялась без проблем. «Рекс».

– Это вы? – спросил Бергер.

– Похоже на то, – спокойно ответила Фреден.

– Вы знаете, где это?

– Не совсем. Я много путешествую на велосипеде. Кажет-

ся, идет дождь.

– Вы много путешествуете на велосипеде?

– Да. Мне нравится на нем ездить.

– Тридцать километров до Мерсты под дождем?

– Мерста? Да, о'кей, теперь я знаю, где это. Там была полиция. И пресса. Это ведь фото из СМИ?

– Что вы там делали?

– Каталась на велосипеде. Воскресная прогулка на север.

– И что произошло?

– Я увидела синие мигалки и поехала за ними.

– Это случилось и раньше?

– Что?

– Что вы видели синие мигалки и ехали за ними?

– Случается иногда, да. Если ездешь так часто, как я.

– Когда, например?

– Не могу сказать. Время от времени.

– Здесь, например?

Три фотографии из зимнего леса между Карлскугой и Кристинехамном, все с Натали Фреден и ее велосипедом в центре.

– Похоже, была зима, – спокойно прокомментировала она.

Бергер впервые всерьез в нее взгляделся. Если бы он питал иллюзии, что все пройдет легко, – а он, конечно, не мог такого себе позволить, – то в этот момент заблуждение рассеялось бы окончательно. Простого пути по поверхности не существовало, придется копать глубоко.

Бергер смотрел в ее голубые глаза и пытался уяснить, что же она такое. Либо она исключительно легко лжет, всегда имея под рукой хорошую отговорку, либо она наивна сверх всякой меры. Невероятно сложно решить, что из этого верно.

Решение подсказала интуиция. Прозрение посещало его и раньше, но только сейчас ему удалось сформулировать свои мысли. Уже почти два года назад она подготовилась к тому, чтобы оказаться здесь, именно здесь, когда она назвала свое имя телерепортеру. Интуиция подсказывала: *она там, где хочет находиться*. Но почему?

В другом мире он бы даже заметил, какая она красивая. Но теперь, когда он понял, насколько сложно всё будет и что ему придется копать очень глубоко, чтобы добраться до истины, он осознал также и необходимость узнать ее лучше. Это был единственный шанс.

– Да, – сказал Бергер. – Это зима.

– Я не знаю, где это. Случается много неожиданного, когда путешествуешь на велосипеде. В этом-то и очарование, так сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.